

Викториа ЛЕВИНА

ОТРАЖЕНИЯ

Трилогия

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Виктория Левина

Отражения

«Алетейя»

2021

УДК 82-31821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Левина В. Я.

Отражения / В. Я. Левина — «Алетейя», 2021 — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-00165-283-0

В новой книге Виктории Левиной «Отражения», как в зеркале, отражается эпоха советского и постсоветского пространства в одной отдельно взятой судьбе. Трилогия включает три романа: «Не такая», «Мостовые твои» и «Ладушки». Детство героини, её школьные годы проходят в Украине, в небольшом периферийном городке. Студенческие годы – в Москве, в замечательной «Бауманке». А затем – снова возвращение в постсоветскую Украину, до самого отъезда в Израиль. В романе затронуты важные аспекты самоидентификации личности, поиски себя в нестабильном мире, отражение значимых личностных событий на судьбе героини.

УДК 82-31821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-283-0

© Левина В. Я., 2021
© Алетейя, 2021

Содержание

Не такая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктория Левина

Отражения. Трилогия

© В.Я. Левина, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Не такая

Глава 1 Последыш

Я явилась долгожданным послевоенным последышем. Потерявшие надежду папа и мама, израненные во время войны, чудом уцелевшие в пекле самых жестоких сражений, уже и не чаяли... А тут такое дело...

– Папа! У нас родилась дочка!

Хохотали все: весь технический обслуживающий персонал маленького стратегического аэродрома, затерянного на российско-китайской границе, куда папку направили начальником после окончания японской войны, последовавшей за Великой Отечественной. Техники, инженеры, собственно лётчики и прочая обслуга, состоящая в основном из местного бурятского населения, находились в приподнятом настроении и веселились от души.

– У нас родилась дочка! – радостно орал мой четырнадцатилетний брат, спустившись с близлежащей сопки на велике. – Их выпишут через неделю!

Радости присутствующих не было границ, так как единственной женщиной в радиусе трёхсот километров была моя мама – жена начальника аэродрома в этой богом забытой дыре. Кстати, именно в этом месте некогда отбывал каторгу писатель Чернышевский, в чьём деревянном доме и прошли первые месяцы моей жизни.

Особенно неистовствовал брат Валерка – сын мамы от первого брака. Замуж за его отца матушка наша пошла не по собственному желанию и не по велению сердца. Это решение было навязано ей голодающей семьёй. В те печально известные дни на Украине за несколько килограммов сахара, выносимых за пределы сахарных заводов Бобринского между пышными сиськами предприимчивых работников, можно было спасти нескольких членов семьи, опухающих от голода...

Директор одного из таких сахарных заводов, которому предстояло стать супругом мамы, был старше своей невесты на пятнадцать лет. Она откровенно его не любила и была готова на всё, чтобы избежать незавидной участи. Но он терпеливо сносил все выбрики молодого технолога («выбрики» в буквальном смысле этого слова, так как мама каблучками нарочито отстукивала по земляному полу его украинского дома-мазанки, намеренно стараясь нанести вред имуществу и при этом наивно полагая, что такое её вызывающее поведение отсрочит, а может, и аннулирует надвигающуюся, как беду, свадьбу...).

Несмотря на то, что сердце невесты было отдано кому-то другому (я услышу об этом лет через десять после моего рождения), семья, состоявшая из бабушки и четырёх сестёр, была настроена категорично и не желала слушать никаких доводов. Нужно заметить, что сахар, спрятанный в больших объёмах мамочкиного украинского бюста, действительно спас всех от голодной смерти...

Перед самой войной родился брат Валерка – красавец с голубыми глазами-блюдцами на пол-лица и пушистыми русыми ресницами! Он своего отца так и не узнал. Мужа мамы убили в первую же неделю военных действий.

Вдова продолжала работать технологом на сахарном производстве, но уже в режиме военного времени. За братом смотрела бабушка. Так продолжалось, пока однажды утром молодая вдова, заглянув в дом своей сестры, не увидела ладненького, рыженького, невысокого военного, который ловко выделывал на самодельном турнике в саду чёрт-те что! Военного лётчика-аса определили сюда на постой. Я прекрасно помню этот большой, прохладный, аккуратный дом с

огромным садом уже после войны... И помню тот турник, возле которого познакомились мои родители!

Мама моя была девушкой решительной, а может, просто прислушалась к голосу судьбы, но на следующий же день она уже уезжала на фронт следом за папкой, спешно оформленная в интендантскую службу...

Немного попозже я расскажу о войне, о любви моих родителей, о фронтовых дорогах, которые им было предназначено пройти вместе. А сейчас мне важно отметить, что тот самый брат Валерка, с которого и начался экскурс в историю семьи, лихо спустился с забайкальской сопки и в который уже раз во всё горло прокричал:

– У нас родилась дочка!..

В самом лучшем доме посёлка, отданном командиру, особенных условий для младенца не было. Наскоро соорудили кроватку, натаскали воды в чан возле печки – и на этом всё. Дело в том, что на свет я появилась в опасной близости к полюсу мерзлоты (есть такое местечко в Забайкалье!), где зимой бывает ниже -55 градусов, а коротким летом, которое длится всего два месяца, столбик термометра поднимается до +50.

Бедная моя мамочка в последние месяцы беременности очень тяжело переносила жару – дело было как раз в конце июля. Она наливала ведро воды на пол и ложилась почти голенькой под стол («как свинка», вспоминая то время спустя много лет, рассказывала она мне). Так она надеялась поймать хоть какую-то прохладу...

Впрочем, зимой было ни капельки не легче. Печка топилась беспрерывно, но на расстоянии метра от неё вода в кадке покрывалась плёнкой льда! Родители рассказывали, что однажды Олег, старший сын папы от первого, довоенного брака, был приглашён пожить в этот суровый край. У парня к тому времени сложились натянутые отношения с московской милицией, его причислили к категории «шпаны», и он был вынужден срочно ретироваться к отцу на Байкал. На новом месте его ждали совсем не столичные условия, спартанский образ жизни и молодая мачеха, то есть вторая папина жена... Свободолюбивая душа Олега не выдержала такой напасти, и однажды зимой он, прихватив из дома все сбережения и тёплые вещи, чтобы обменять их на деньги на железнодорожных станциях, сбежал в Москву. Бедные мои родители в течение трёх дней сидели взаперти дома, пока служащие не хватились командира, поскольку выйти наружу в такой жуткий мороз без специальной одежды не представлялось возможным...

Но вернёмся ко дню моего рождения!

Прошло больше недели, прежде чем я впервые попала домой. Нет, не подумайте, со здоровьем у меня всё было хорошо благодаря крепким генам мамочки и особенно папочки. Просто в одно и то же время с мамой в больнице рожала бурятка из дальнего стойбища. Она нагуляла ребёнка от заезжего солдата и не собиралась его забирать.

Ребёнок был смуглым, узкоглазым, родился с чёрными волосами и с седой(!), совершенно белой прядью через всю голову. Сердце мамы не вынесло такой несправедливости, и она решила взять его себе. А пока оформляли документы моему потенциальному «молочному» брату, она кормила нас обоих, благо молока было с избытком. Но в последнюю минуту всё разладилось. Бурятка вернулась за ребёнком, упала в ноги врачам, поцеловала маме руки и забрала сына. Я часто думаю, как было бы здорово, если бы в нашей семье остался роскошный узкоглазый мальчик-бурят! Жизнь, наверное, была бы ещё богаче и непредсказуемее.

Как бы там ни было, домой мама вернулась только с одним младенцем. Вопрос имени деморализовал и поверг в бесконечные дискуссии весь состав аэродрома! Чего только не предлагали! Но папа был непреклонен – только Виктория! Дело в том, что в это время английские докеры в каком-то там порту добились какой-то там победы над дирекцией порта, и все газеты чернели заголовками: «Виктория! Виктория!» Победа, значит. Как истинный московский (читай: английский) джентльмен, мой политически подкованный папка не мог обойти этот факт стороной... Так меня и назвали редким в Бурятском автономном округе именем

Виктория и, мирно посапывающую на руках счастливой мамы-хохлушки, торжественно встретили на военном аэродроме всем составом.

Глава 2

Одиссея папы Яна

До того незабываемого дня в жизни моих уже немолодых, по тогдашним меркам, родителей, когда Бог послал им в моём лице позднего и любимого ребёнка, у каждого из них уже имелся за плечами богатый жизненный опыт и была своя одиссея. Особенно это касалось папы Яна.

Момент моего появления на свет был выбран не самый подходящий. И то верно, разве многие решились бы обзавестись потомством в богом забытой дыре, в Забайкалье, и принести малютку в дом, где писатель-демократ Чернышевский отбывал когда-то ссылку, о чём я рассказывала в предыдущей главе? К тому моменту папка был уже в больших воинских чинах. В больших настолько, насколько позволяла «пятая графа», как, шутя, он любил приговаривать, – графа национальности в паспорте...

Детство отца прошло в доме любящих родителей, моих бабки с дедом, где было идеально чисто и всегда вкусно пахло клёцками. Мама Янчика, которого тогда все звали Иосифом, плавно, но быстро передвигалась по дому, несмотря на необъятные размеры.

– Йоселе, Йоселе, и где ты вечно пропадаешь? – причитала моя бабушка, выискивая рыжего веснушчатого мальчишку, который был самым неугомонным из всех её многочисленных отпрысков. – Все дети как дети, а ты скочим¹, каких ещё поискать! – приговаривала она. – И что из тебя вырастет?..

Но тут же женщина сменяла гнев на милость и уже совсем другим тоном спрашивала:

– Что тебе положить – лапшу или суп с клёцками?

Бабушка обладала невероятными достоинствами в виде необъятного бюста, вскормившего семнадцать (!) детей, непревзойдёнными кулинарными способностями, позволявшими ей из одной курицы готовить семь блюд, чтобы накормить всю свою семью, и огромной любовью и терпением, без которых не получилось бы достойно содержать дом со всем этим выводком и мужем-сапожником.

Дед был честным и бедным, соблюдал традиции, искренне молился своему богу и любил пропустить рюмочку после трудов праведных. Он давно смирился с главенствующей ролью жены в доме и не вмешивался ни в какие дела, хотя бабушка искренне почитала мужа и подчёркивала важность его слова и присутствия.

Одним словом, то была типичная еврейская семья, живущая в типичном еврейском местечке в Белоруссии. Нетипичным было лишь то, что из огромного количества детей вышло пять человек высшего состава Красной Армии! Старший брат папы, дядя Семён, стал впоследствии одним из первых комиссаров конницы Будённого, о нём написали книги. Другой брат всю жизнь играл на трубе в Большом театре. Забегая вперёд, скажу, что сам папа тоже отличился. Он стоял у истоков Звёздного городка.

Увы, когда городок, в котором обитало семейство Янчика, оккупировали фашисты, за успех пришлось дорого заплатить. Всех членов семьи, которые не уехали, не удрали, не были призваны в армию, включая деда и бабушку, немцы вывели на центральную площадь и закопали живыми в большой, специально для этих целей вырытой яме на глазах соседей... за тех самых пятерых офицеров... по доносу. Я знаю, что сейчас на этом месте соорудили стелу в память о семье моего папки. Я там не была. Больше, к сожалению, мне ничего не известно.

Но вернёмся в тот день, когда бабушка безуспешно пыталась отыскать своего младшенького – Йоську. А Йоська тем временем, прихватив из дома немного хлеба и сахара, спал на

¹ Сорванец (*идиши*).

верхней полке поезда, уносившего его из родительского дома в далёкую и такую желанную Москву! И вправду – скочим.

В столице в те дни как раз начиналось строительство метрополитена. Требовались рабочие руки, строительные материалы и, конечно, мозги. Йоська первым делом сколотил бригаду из такой же, как он сам, шпаны, приехавшей в столицу на поиски счастья и удачи. Именно он придумал способ очистки выжиганием старых заброшенных склепов на безымянных кладбищах и сумел заработать неплохие деньги, поставляя строительные плиты подрядчикам метрополитена. Но это вовсе не было мечтой его жизни. Он хотел пойти дальше.

Следующим этапом на пути к заветным вершинам стало поступление в учебное заведение. Без образования было довольно трудно воплотить свои идеи и достичь успеха. Подавая документы в машиностроительный техникум на дневное отделение, юный скочим ясно понимал, что, если вместо Иосифа он назовётся Яном, его шансы увеличатся...

Бог дал моему отцу мозги. Я всегда шучу, что, если бы у меня было хотя бы пять процентов его способностей, я бы уже стала Нобелевским лауреатом! Блестящий математик, музыкант, полиглот, он за два с небольшим года экстерном окончил техникум. Янчику исполнилось всего семнадцать, когда его приняли на один из старейших заводов Москвы заместителем начальника цеха! Тогда очень ценилось образование, а ещё больше ценились природные склонности и желание работать.

Столичная жизнь бурлила! Мой Янчик сколотил один из первых джаз-бандов в Москве, попевал в оперетте, работал за двоих и... женился в семнадцать лет... В заводоуправлении молодым выделили казённую квартиру. Впоследствии именно там вырастут мои старшие брат и сестра.

Туда, в эту старую просторную квартиру в доме из красного кирпича, расположенном на Матросской тишине, однажды загляну и я, чтобы нанести визит папкиной первой семье. Это произойдёт много лет спустя, когда я уже стану московской студенткой. Встретят меня по-разному... Сестра поведёт себя вежливо, но сдержанно. Брат откровенно обрадуется. Бывшая папина жена отнесётся ко мне насторожённо и чуточку брезгливо. Ну а муж сестры примет меня восторженно. «Посмотри, какая чудная у тебя младшая сестрёнка!» – воскликнет он. И это восклицание послужит поводом для довольно холодного предложения бывать у них как-нибудь при случае...

Так вот, Янчик женился на очень красивой женщине. Она была намного старше его и вскоре подарила молодому супругу двоих детей – мальчика и девочку. Они получились умными, как папа, и красивыми, как их мама. Конечно, это не стало квинтэссенцией достижений для юного скочима. Пришла пора двигаться дальше.

В то время шёл активный набор в сталинскую авиацию. Папка был молод и умен, имел хорошую хватку и отличную физическую подготовку. Он предложил свою кандидатуру, и очень скоро его послали на учёбу в Вольское лётное училище – колыбель всех асов нарождающейся советской авиации.

Уж и не знаю, какими такими пируэтами, но судьба круто вела моего родителя к невиданным в то время вершинам! Люди, окружавшие его в те дни, с какой-то небывалой лёгкостью входили в историю! Папа летал в одной эскадрилье с Чкаловым (до его знаменитого беспосадочного перелёта), рос в чинах и в мастерстве. Даже после гибели Валерия Павловича он продолжал очень долгую переписку с женой учителя. Перед отъездом в Израиль у меня хватило ума передать эту переписку в музей...

И всё было бы просто отлично, не случись один казус... Кирпичные стены квартиры, полученной папкой от завода, были очень тонкими и прекрасно пропускали всяческие звуки, а он в то время просто бредил немецким языком! Я уже говорила, что мой Янчик был полиглотом: ему хватало двух недель для взятия любой языковой крепости, но при условии полного погружения... Так вот, в то самое время он на сто процентов «погружался» в немецкий.

А соседке за стенкой страшно приглянулась чужая квартира! И очень скоро у неё появилась возможность получить желаемое, ибо папа по ночам цитировал по-немецки Шиллера... как настоящий немецкий шпион!

Без суда и следствия «немецкого шпиона» – папку, препроводили в Лефортовскую тюрьму, где продержали в одиночной камере целый год. Его водили на допросы, били, истязали. Он никогда не рассказывал мне деталей этого периода своей жизни. Чудом вырвавшись из казематов и уцелев, он дал подписку о неразглашении и своё слово сдержал... Лишь изредка, когда воспоминания накатывали с новой силой и терпеть становилось невыносимо, он снова переносился в свою «одиночку» и, уткнувшись мне в плечо лысой, старой, родной и любимой головой, плакал...

А пока в Лефортово пытались сделать из папки «немецкого шпиона», военные начальники бравого рыженького и жутко талантливое майора стучали во все двери... и таки достучались! На станции «Взлётная» по Люблинской дороге в Подмоскowie формировался прообраз будущего Звёздного городка, и по счастливой случайности над моим Янчиком решили провести показательный процесс под лозунгом «Невиновных мы не обвиняем!». Очень скоро он обрёл долгожданную свободу и был принят на службу лётчиком-испытателем.

Страна неуклонно приближалась к войне. Перед самым началом боевых действий Яна послали на учёбу. На военном отделении Института иностранных языков он принялся штудировать японский для будущей работы в качестве японского шпиона (шпиона таки!). Для подобной деятельности необходимо иметь ничем не примечательную внешность, и конечно, никаких татуировок! У папки внешность была самой заурядной, а вот татуировка имелась: по глупости и молодости он наколол на руке сердце, пробитое стрелой... Его тщетно пытались вывести, но не успели... Да и учёбу закончить Янчику было не суждено, так как началась война. Но любовь к японскому языку осталась у него на всю жизнь.

Отец, как и другие мужчины, отправился на фронт. Это стало началом долгого и опасного пути, который однажды привёл его на постой в украинскую хату, где обитала сестрица моей матери. Как я уже упоминала ранее, прошло всего несколько дней, и мама, бросив всё, уехала за полюбившимся ей офицером на фронт в составе лётной дивизии. Сначала она стала специалистом по материальной части, потом стрелком-радистом. Вместе родители прошли всю войну и не раз прикрывали друг друга собственными телами при бомбёжках, приняв для храбрости фронтовые сто грамм... К Великой Победе папка пришёл в чине подполковника.

– «Пятая графа»! – впоследствии смеялся он...

Пришла пора объяснить, как же «голубки» всё-таки остались вместе после войны, обеспечив моё появление на свет, ведь отец был женат и имел двоих детей...

Два влюблённых по уши фронтовика, Ян и Маша, пройдя вместе через ад, получив множество медалей и припрятав в чемодан трофейные часики, прибыли в Москву на Киевский вокзал...

– Сиди здесь и жди! Я к семье, – заявил отец. – Мне говорили, – продолжил он, – что жена моя не скучает и бурно проводит время с офицерами на вечеринках... Но я сам должен убедиться. Если дела обстоят так, как шепчутся, я отдам ей всё, что имею, вернусь сюда и уеду с тобой на Украину!

Поднимаясь по лестнице, Ян услышал шум пьяной оргии. Дверь открыл незнакомый мужчина с офицерскими погонами. Папкина жена была пьяна и, никого не стесняясь, выплясывала в одной немецкой комбинашке на столе. Несколько офицеров, тоже подшофе, бурно аплодировали её вихляниям и хватали жадными руками... Папа, как в немой сцене, положил на стол деньги, часы, парфюмерию и, крутнувшись на каблуках, быстро сбежал с лестницы...

Когда мамочка, обливаясь слезами и не веря, что встретится с милым Янчиком хотя бы ещё раз, увидела своё рыжее счастье, которое мчалось к ней, опаздывая на поезд, она уткнулась

ему в грудь и не смогла вымолвить ни слова, только сжимала в кулачке два заранее купленных билета...

Так начался новый этап их совместного бытия, который ознаменовался папиными стараниями привыкнуть к гражданской жизни на Украине. Получалось у него не слишком хорошо. Впрочем, продлились попытки недолго. Отца вызвали в Ленинград преподавать в Военной академии. Вот только маме-хохлушке Ленинград не приглянулся. Поэтому чуть позже, когда Яну предложили с семьёй (он усыновил мамино сына от первого брака, моего брата Валерку) отправляться начальником на военный стратегический аэродром, он не стал отказываться.

Там, в этом заснеженном краю, я и оставила вас в конце первой главы, когда рассказала о своём необычном появлении на свет.

Глава 3

Бабушка-антисемитка

У каждого человека есть самые ранние воспоминания, которые прочно впечатываются в подсознание и остаются до конца дней. Мои по большей части связаны с ярким и противоречивым образом моей бабушки по материнской линии.

Вторую мою бабушку – папину маму – мне узнать не довелось. По словам оставшихся в живых после нашествия фашистов родственников, она была добрейшей души человек! Но вместе с тем, все в один голос называли её строгой и решительной. Папа сохранил о ней самые нежные и тёплые воспоминания на всю жизнь... А вот с тётцей, являвшей собой полную противоположность покойной матушки, взаимоотношения у него не сложились. И это вовсе неудивительно. Даже меня, полного несмышлёныша, иногда озадачивал характер моей единственной живой бабушки.

Я часто вспоминаю, как сидела в её маленьком, уютном и чистеньком домике, построенном у нас в саду, рисовала или пыталась писать большими печатными буквами. И давалось мне это непросто.

Здесь я должна кое-что объяснить. Когда родители осели на Украине после демобилизации, папе было предложено стать директором военного завода, который располагался в пойме реки Днепр. Там впоследствии всё было затоплено – сотни процветающих сёл с плодороднейшими землями ушли под воду, уступив место огромному Кременчугскому водохранилищу! «На низу», как это тогда называлось, и располагался папкин танковый завод.

Жить новому директору с семьёй было негде. А ведь ему нужно было заботиться о жене, её пятнадцатилетнем сыне, новорождённой малышке, появившейся на свет в Бурятском крае, и тётце, которая не представляла своего существования без младшей и единственной любимой дочери! Ситуация осложнялась тем, что мне тогда исполнилось всего несколько месяцев, я с трудом перенесла двухнедельный переезд на поезде из Забайкалья и последовавшие за тем мотания туда-сюда в Ленинград и обратно.

Жильё нам выделили... в церкви, стоявшей на небольшом пагорбке рядом с заводом. Это было старое, полуразвалившееся, непригодное для проживания здание. Но у моей мамочки руки были сноровистые, хватистые, работающие. Да и солдат дали в помощь. Так что вскоре общими усилиями они сделали невозможное – привели церквушку в приличный вид, и наша семья заселилась в необычную квартиру.

И всё бы было хорошо, да вот только комары... Житья от них не было! А в это время по Украине, да и по всей Европе, шагала эпидемия полиомиелита. Дети сотнями заболевали этой страшной хворью, их нервную систему парализовывал коварный вирус, приговаривая тело к атрофическому, полу-обездвиженному существованию... Несметное количество комарья «на низу» увеличивало шанс подхватить заболевание в разы. И вот однажды бабушка подошла к немецкой трофейной коляске, в которой я должна была, по всеобщему замыслу, мирно посапывать под охраной верной Альмы, немецкой овчарки, специально обученной нянчиться с ребёнком, и отпрянула со страшным криком:

– Воно померло! Немовлятко не дихае!²

Накрыв меня с головой простынкой и причитая на все лады, женщина уселась возле коляски отмаливать мои ещё не существующие грехи... Мне ужасно повезло, что как раз в это время с работы на обед пришёл папа. Он отбросил бабушку и простынку, схватил едва живую меня на руки и ринулся к самолёту, который находился в его ведении как директора военного

² Он помер! Младенчик не дышит! (укр.)

объекта и уже стоял на небольшой взлётной полосе, проходящей тут же, возле церквушки. Спустя пару часов он был в военном госпитале в Киеве, где врачи зафиксировали клиническую смерть ребёнка, повергнув отца в неопишное горе. Но потом что-то там не срослось с моим преждевременным уходом в мир иной, и я осталась здесь, с вами, ещё на долгие-долгие годы...

На этой оптимистичной ноте папка получил от местных властей кусок болота (но в центре города!). Не теряя времени, он начал осушку территории и строительство огромного (как его широкая душа!) дома. А я вдруг, вопреки прогнозам врачей, пошла! Стройка продвигалась семимильными шагами – уже заливали смолой крышу и во дворе для этих целей развели костёр... Никто не заметил, как я встала с расстеленного на траве одеяльца и поковыляла к интересному и манящему огню...

Кричать я не смогла из-за шока. Рука лежала на тлеющих углях и дымилась. Завыла Альма. Все бросились на этот вой и выдернули меня из дымящихся углей, куда я, видимо, упала, споткнувшись на слабых ножках. Я была без сознания, рука сильно пострадала от ожога. Кожа на правой ладони практически отсутствовала. В больнице мне пересадили мамину кожу, взяв кусочек из подмышки. Долго, это я уже помню отчётливо, на большом пальце у меня была дырка, в которую я любила смотреть на солнышко... Ходить я снова перестала.

Теперь, когда всё встало на свои места, вернёмся к моим детским воспоминаниям. Я была ребёнком-инвалидом. Ходила с трудом, а потому в основном сидела и рисовала. Рисовать мне тоже было трудно, так как обожжённая до кости рука плохо удерживала карандаш. Бабушка жила рядом с нашим большим домом. У неё имелся свой маленький кирпичный домик, который папа был вынужден для неё построить. В нём была всего одна комнатка с печкой. Зачем ей понадобилась отдельная жилплощадь? Всё очень просто. Дело в том, что бабушка не общалась с зятем-евреем. Чтобы избегать нежелательных встреч, она заходила в гости, когда он отсутствовал и только имея вполне определённую цель, например, искупаться, помыть голову, пообщаться с любимой дочкой.

Я помню, как мама лила горячую воду из кувшинчика на роскошные русые густые косы бабушки. Скорее всего, в то время она была ещё не старой женщиной и сохранила следы неимоверной красоты! Но одевалась она в длинные до пола юбки, телогрейку и неизменный платок, который никогда не исчезал с её головы. Вот почему для меня любимым и заманчивым занятием было наблюдать за таинством мытья чудесных волос моей бабушки, венчавших её ещё не седую голову.

Закончив с водными процедурами, мама брала специальный костяной гребень и принималась осторожно и с любовью расчёсывать её пышные локоны... Бабушка в одной сорочке сидела на табуреточке перед мамой и казалась непривычно молодой и весёлой! Они ворковали о чём-то своём, чего я ещё не понимала. Разговор вёлся с любовью и перемежался смехом. Но к тому времени, когда папа возвращался с работы, бабушка всегда успевала уйти к себе. Ей не нравилась даже мысль о том, чтобы лишний раз встретиться с «жидовской мордой»...

Самой большой своей бедой бабушка считала то, что её любимица, в которую она вложила столько сил и души, решила связать жизнь с евреем! Происходя из обедневшей семьи польских шляхтичей-дворян, она была жуткой антисемиткой! Её биография заслуживает особого внимания.

Получив прекрасное по тем временам образование, свободно говоря на нескольких языках, бабушка нанялась гувернанткой в дом графа Бобринского, знаменитого в те времена сахарозаводчика, владеющего огромным количеством земель на Украине. Мало кому точно известно как (тайну эту знала только мама, а потом и я), но три моих старших тётки родились в его имении... Граф был уже в летах и хотел устроить жизнь бабушки. А к ней, невероятно красивой польке, сватался уже несколько раз (но безрезультатно) мой будущий дед, влюблённый в неё безумно! Он хотел взять свою избранницу замуж с тремя детьми и носить её на руках. И однажды ему повезло.

Дед был мастеровитым, весёлым, заводным мужчиной и любил заложить за воротник. Но на бабушку он молился. В один прекрасный день, осознав выгоды столь тёплого отношения, высокомерная гувернантка согласилась принять его предложение руки и сердца, тем более племянник графа уже начинал прибирать имение и заводы к рукам, а значит, в любой день бабушка и её дети могли оказаться на улице...

Отца деда, моего прадеда, то же графское семейство выменяло на охотничью собаку в Орловской губернии ещё во времена крепостного права. Так что дедушка был гол как сокол. Несмотря на его заводной характер и множество достоинств, бабушка всегда относилась к нему как к «быдлу». У них родилось ещё четверо детей (двое близнецов-мальчиков умерли в младенчестве). Мама была последней, седьмой по счёту дочерью, родившейся у бабушки.

Бабушка семью свою, мягко сказать, не любила, мужа ни во что не ставила, лежала на печи и читала французские романы. А дед делал по дому всё: и стирал, и готовил, и деньги зарабатывал, и за детьми смотрел! Неудивительно, что постепенно он начал пить лишнего. Бабка держала мужа в строгости, деньги отбирала, и у него, я так думаю, другого пути, как податься в пролетарии, не было...

Так они и жили: бабушка ненавидела всех своих домочадцев, кроме младшенькой доченьки, ставшей впоследствии моей мамой. Дедушка был председателем местной партячейки и нередко снимал стресс с помощью сорокаградусной. Дети росли неграмотными и лишёнными ласки. Кроме мамы. Заботясь о ней, бабушка помогла своей любимице выучиться в техникуме, а потом и в институте (том самом, который основал ещё граф), вывязывая и продавая чепчики на местном базаре.

Со своей младшей дочкой бабушка связывала эгоистичные чаяния о счастливой старости, которую они должны были непременно провести только вдвоём. Кто мог предположить, что красавица и умница, презрев многочисленных ухажёров, выберет невзрачного рыжего «жидёнка»!

Деда убили немцы во время оккупации как коммуниста. Его расстреляли в лесу за городом. Тётки выросли скандальными, частенько злоупотребляли алкоголем и не могли даже с натяжкой называться интеллигентными. Каждый раз, думая об этом, не могу избавиться от чувства удивления перед «выбры-ками» истории: граф Бобринский был прямым потомком Екатерины II (внебрачным правнуком) и происходил от её романа с графом Орловым. То есть мои крикливые тётки-самогонщицы, детей которых мой папа помогал выучить и поставить на ноги и которые, так же как и бабушка, не любили его только за то, что он еврей, – являлись прямыми потомками великой императрицы! Какая шутка истории! Какой «чёрный» юмор! Хорошо, что они этого не знали при жизни...

Но хватит об истории семьи! Вернёмся в счастливые дни моего детства, к тем моментам, когда я сидела в домике моей уже немолодой и вдовой бабушки, получившей страшное разочарование в лице зятя-еврея. Я повторяла немецкие и польские слова, глаголы, спряжения... Для своих пяти лет я неплохо читала и писала карандашом. Однажды я даже написала актёру, сыгравшему главного героя в фильме «Матрос с «Кометы»». В моем невинном послании значилось: «Я тебя люблю. Не женись. Скоро я вырасту». Письмо это мама не отослала, как обещала мне тогда, а хранила долгие годы.

Если я правильно отвечала на вопросы, бабушка гладила меня по голове и приговаривала:
– Файна дытына!³

Если же я ошибалась, то неизменно получала подзатыльник:
– Пся крев! Жидівська морда!⁴

³ Чудное дитя! (укр.)

⁴ Собачья кровь! Еврейская морда! (польск. укр.)

К брату моему бабушка относилась с большей любовью и нежностью. Он же не был сыном моего папы! Валерка отвечал ей тем же. Я давно собиралась у него спросить, да всё ещё не собралась: знает ли он тайну бабушки? И что ему известно о фактах из её биографии, которые мама однажды поведала мне по секрету?

Раз в месяц бабушка надевала «праздничное» платье с кружевами, красиво укладывала пышные волосы, пекла яблоки, раздавала их соседям («святая женщина!») и уезжала на богомолье во Львов. Папа кайфовал, хоть на время избавляясь от сложного соседства!

Потом бабушка заболела. Болезнь была неизлечимой, протекала тяжело и быстро. Папа хотел помочь, предлагал обратиться за советом к лучшим врачам, достать самые современные и эффективные лекарства, добиться операции... Но она ничего не принимала. Только в самом конце, когда стало уже не до гонора, она начала брать у мамы болеутоляющие...

В день, когда бабушки не стало, мама кричала и плакала навзрыд! Она схватила кухонное полотенце и рыдала, погрузив в него лицо...

– Мама, мамочка!

Я подъехала к ней на стульчике на колёсиках и тоже заплакала – было страшно... Мама оттолкнула мою руку и зарыдала ещё горше. Так я в первый раз столкнулась лицом к лицу со смертью. Остального не помню. Скорее всего, меня берегли от стресса – я ведь ещё не ходила... Брат тоже плакал. Папа в тот день пошёл на футбол.

Глава 4

Тёмный пруд и белые лебеди

Окна папиного директорского кабинета выходили на тёмный пруд красоты необыкновенной!

Современные дизайнеры садового ландшафта создают такие пруды искусственно, озеленяя берега плакучими ивами и тратя в огромных количествах деньги заказчика. Папкин пруд был создан самой природой при некотором участии людей – просто вода, бьющая из подземного ключа, заполнила воронку от авиационной бомбы, упавшей сюда во время войны; ивы выросли сами на благодатном украинском чернозёме (во время оккупации немцы вагонами вывозили этот чернозём в Германию!); а белые лебеди появились здесь вместе с новым директором кирпичного завода, который распорядился построить у пруда свой кабинет, а лебедей приобрёл неподалёку в заповедном хозяйстве.

Я не видела ничего красивее этого пруда в своей маленькой детской жизни! А потому моё сердце начинало сильнее биться от радости, когда я слышала:

– Викочка! Надевай красное платье! Да, самое любимое! Дядя Вася приехал! Пора к папику!

Дядя Вася был папкиным личным шофёром и моим большим другом. Платья в моём гардеробе все были в красном цвете, потому что в моей маленькой голове всё красное воспринималось красивым. Их шила для меня мама, урывая минуты свободного времени от домашних хлопот и многочисленных заказов. На производстве она не работала и называлась «иждивенкой», из-за чего очень расстраивалась. Даже всхлипывала иногда:

– Да я же инженер-технолог, а сейчас пишу «иждивенка»! Какая же я иждивенка! Дом, хозяйство, дети – всё на мне...

Но выбора не было. Я была инвалидом детства и нуждалась в постоянном уходе. Да и папе как директору крупного завода тоже нужна была забота. А ещё у нас имелась домашняя живность – кролики, куры, утки, индюки, свинки, коза и собака, которые не могли обойтись без мамы. Огромный дом, плодоносящий сад и огород прибавляли дел. Чтобы со всем справиться, маме пришлось взять помощницу, но они всё равно с трудом успевали переделать всю домашнюю работу, потому что папа был очень компанейским человеком! У нас постоянно бывали гости. Мой Янчик садился за огромный стол под сенью деревьев или устраивался на крытой веранде с друзьями и родственниками, собирая за раз не менее сорока человек!

Все они много ели, в меру пили, потом очень красиво и долго пели русские, украинские и еврейские песни, перемежая их репертуаром оперным и опереточным. Соседи давно смирились, особенно после того, как папа помог им выписать машину-другую дефицитного по тем временам кирпича...

Когда я немного подросла, то научилась ценить эти застолья. За годы, проведённые под крышей отчего дома, я повстречалась с замечательными и известными людьми. Среди них были писатели, философы, министры и футбольные звёзды! Пока я училась понимать ужасно умные разговоры, которые вели старшие, я всегда садилась рядом с любимым, обожаемым папкой, вжималась в мягкий толстенький бок и, единолично завладев его рукой, пересчитывала на ней рыжие веснушки, которых был миллион...

Мама шила для меня изумительные наряды! Она была портнихой от бога. Отучившись на курсах кройки и шитья в Ленинграде в дни, когда папа недолго преподавал в Военной академии, мама впоследствии сама преподавала на этих же курсах, так как имела большой талант. У неё одевались даже женщины при министерских должностях из Киева. Записывались на полгода вперёд.

Рабочий день мама начинала часа в три ночи, пока домочадцы ещё спали. Только так она могла успеть вовремя продвинуть заказ.

Так вот, вернёмся к моим нарядам. Когда мама спрашивала, какое платье мне пошить (а шила она мне их два-три на неделе!), ответ был неизменным:

– Красное!

Все смеялись, а я громче всех!

И вот однажды снова приехал папкин шофёр. Я натянула любимую одежду, дядя Вася взвалил меня на спину (ходила я с трудом и дело это не любила) и пошёл со мной к машине.

В то время меня называли изумительной красоты ребёнком. Я была обладательницей длинных белокурых волос, которые вились крупными локонами, огромных голубых глаз, доставшихся мне от мамы, а ещё... тонкой, слабой, короткой «полиомиелитной» ноги и обожжённой в костре изуродованной руки... Скажу сразу, слёз надо мной никто не лил, все относились ко мне всерьёз, а к моему неумению и нежеланию самостоятельно передвигаться как к данности.

Папа, брат и дядя Вася легко сажали меня на спину или подхватывали за ноги, я обнимала их сзади за шею, и вот она – такая желанная мобильность! Кстати, папа и брат таскали меня так лет до тринадцати, пока ноги не стали чиркать по земле... и пока брату не надоело моё бездействие, и он не начал меня учить ходить.

Так вот, в тот раз мы с шофёром приблизились к чёрной трофейной «Эмке» с красными(!) сиденьями. Вскоре меня усалили на переднее сидение, и гордый немецкий автомобиль, немного пофурчав для приличия, отчалил под шепоток соседей:

– Повезли калечку! Интересно, куда?

Этот вопрос волновал и меня. Перспектива отправиться к папе на пруд в последнее время меня не очень радовала. Дело в том, что в последнюю пару месяцев мои визиты туда обычно сопровождалось посещением заводского зубного врача, который один за другим удалял мне молочные зубы. Это больно. А боли я не выносила, натерпевшись от врачей за свою такую ещё короткую жизнь... Кстати, я её до сих пор не выношу.

Моя мама любила повторять:

– Господи! Да как же ты жить-то будешь с такой чувствительностью? Впрочем, ты и живёшь-то не благодаря, а вопреки...

В кресле у зубного меня держали за руки несколько человек, а я вырывалась и орала:

– Опомнитесь, люди! Где же ваша интеллигентность?

И прочие благоглупости, которые мог впитать пятилетний ребёнок, находясь постоянно исключительно во взрослом окружении.

Но, к моему удивлению, на этот раз машина остановилась в самом центре нашего небольшого городка, у областной поликлиники. Через весь двор кругами вилась очередь, состоящая из людей, имеющих проблемы с передвижением. Там были фронтовики, инвалиды всех сортов, полиомиелитные, как я, дети...

Пробраться сквозь агрессивную толпу было нелегко. Дяде Васе пришлось поработать локтями.

– Чего прёшь? Мы здесь уже двенадцать часов! – слышалось со всех сторон.

В конце концов нам удалось протиснуться к папе, который торчал возле поликлиники с ночи. Почти тут же мы все вместе зашли в кабинет – снимать мерки на протезную обувь. Меня долго рассматривали, обмеряли, просили пройтись. Я неохотно ковыляла туда и обратно, держась за стену... Заметив, с каким трудом мне давались простые движения, врачи принялись качать головами:

– Вам бы на операцию её, папаша!

Папка – принципиальный противник операции, он насмотрелся на других детей, которые были прооперированы и теперь сидели в инвалидных креслах... Он ещё не знал, что именно он

сделает, чтобы мне помочь, но ни на миг не поколебался – операции не будет! Как он оказался прав, мой дорогой, любимый, толстый папка!

Через месяц мы в точности повторили всю эту катавасию с очередью, снова с боем про-
рвались в кабинет, используя отработанную схему (папа уже практически у двери кабинета, я
у дяди Васи на спине), и получили заветную пару обуви... Ничего уродливее я не видела ни
до, ни после в своей жизни! Бесформенный левый ботинок на шнуровке скорее походил на
огромный утюг! «Платформа», как бы сейчас сказали, была высоченная, двенадцатисантимет-
ровая, а сам ботинок доходил мне почти до колена! Правый был не многим лучше...

Мы брезгливо взяли в руки нашу «добычу», сдержанно поблагодарили эскулапов и
вышли из поликлиники. Папа нашёл ближайшую свалку, выбросил туда ботинки и тщательно
вытер руки платком.

– Никогда, слышишь, никогда не носи подобную гадость!

Всю дорогу до папкиного кабинета на пруду мы хохотали как сумасшедшие!

– Вася, ты видел, что они пошили для моей королевы? И ещё хотели надеть ЭТО на неё!
И ещё оперировать! Ну и прохвосты! Нет, Викочка, поверь своему старому ослу папке, мы их
всех победим!

Потом, уже на заводе, папа описал сослуживцам свой визит к ортопедам в лицах, смешно
передразнивая их (он так хорошо умел это делать!), и все хохотали, представляя, как он выбра-
сывает с таким трудом доставшуюся ортопедическую панацею от всех бед в мусор!

А я, счастливая, поела купленный по дороге вафельный стаканчик с мороженым. Меня
окружали работники кирпичного завода, влюблённые в моего папку. Я сидела на берегу чудес-
ного тёмного пруда на специально построенной для меня качельке и болтала разными ногами,
одна меньше другой, наблюдая за парой белых лебедей...

Глава 5 В переулке

Переулочек моего детства находился в самом центре областного города, но при этом являлся частью сельской жизни. Частные усадьбы, окружённые плодоносящими садами и богатые домашней живностью, доставались бывшему офицерскому составу прошедшей войны. Правда, дорога к этому благополучному существованию в бедненькой среде постфронтовых злыдней давалась нелегко... Родители рассказывали, когда строился дом, они ходили в трусах с заплатками...

У папы была большая зарплата; мама, хоть и не работала официально, очень прилично зарабатывала шитьём. А вот деньги в доме почти не водились... Как только они появлялись – тут же всё тратилось на «широкую жизнь»! Десятки гостей, обожавших хлебосольство моих двух Овнов, приходили и устраивали роскошные застолья! А родители были рады до смерти тем, что остались живы в пронёсшихся над ними военных смерчах... и на радостях метали на стол всё, что бог послал!

А бог посылал и посылал снедь и вина, домашнюю живность и папкины охотничьи трофеи! За грибами и за рыбой ездили с папиными сотрудниками на небольших грузовичках. С собой брали запасы провианта, заготовленного мамой, и обязательно «горючее» в белых запотевших бутылках, вынутых по этому случаю из обширного погреба.

Вернувшись обратно, все усаживались перед домом мыть, чистить, потрошить и рассовывать по банкам и бочкам свои трофеи. А у папы был кулинарный талант, доставшийся ему, скорее всего, от его мамы. Он мог приготовить что угодно и из чего угодно! Медвежатина в лопухах, испечённая на костре в саду, суп из акульих плавников, добытых на Белом море, зайчатина и кабанятина из местных лесов, филе из копчёной змеи и дикие утки на вертеле – да чего только не готовилось проворными толстенькими пальчиками моего папки!

Я училась потихоньку передвигаться самостоятельно, но всё ещё сильно припадала на левую ногу. Расширить свой мир хотя бы до ворот, ведущих в переулочек, где не смолкали крики, гомон и смех соседней ребятни, очень уж хотелось! Помогая себе маленькой табуреточкой, я добиралась до калитки, усаживалась на небольшую скамеечку, сооружённую там специально для меня, и зачарованно следила за играми соседских пацанов. Из девчонок в переулочке была только моя будущая ближайшая подруга, к которой я всю жизнь буду относиться с почтением, потому что она откроет для меня мир книг; «принцесса», которая будет по той же причине относиться ко мне как к наставнику по жизни, и я. Мальчишек было раз в десять больше! Меня они не замечали, не видя во мне товарища по играм... Пока однажды...

– Слышь, ты! – сплюнув сквозь зубы, сказал их главный (впоследствии Андрей – наш сосед). – А на ворота слабо? У нас нет вратаря. Сиди на своей табуретке и лови себе мячи!

Андрей! Дорогой ты мой! Да понимаешь ли ты, что этой случайно брошенной фразой ты открыл мне мир дружбы, взаимодействия с окружающей действительностью, можно сказать, позвал в жизнь?! И я, со всем своим потенциалом, только и ждущим повода вырваться наружу, отчаянно поковыляла к воротам! Боже мой, что пережили бедные мои родители в тот вечер, когда, отчаявшись дозваться меня с улицы, появились в переулочке в самый разгар игры!

Я, вся измазанная в пыли, в одних длинных панталонах на резиночках (красное платье было сброшено тут же, в пыль, поскольку мешало), скобочившись, стояла на воротах, готовая в любой момент ринуться на мяч! Колени и локти были сбиты в кровь, а мои новые друзья смотрели на меня с превеликим удивлением и уважением! Сказались папкины гены, да и брат – профессиональный футболист, видимо, как-то повлиял на мою вратарскую славу, которая закрепилась за мной в переулочке на долгие годы...

Но, кроме дворового спорта, в моей ранней жизни было много интересного. Во-первых, книги. Читать я научилась года в четыре, как-то сразу. Папа читал газету, а я по обыкновению тёрлась возле него.

– Смотри, – сказал папа, – это буквы. Запоминай: П-Р-А-В-Д-А.

Я повторила и запомнила. Потом ещё за полчаса запомнила остальные и затихла, вцепившись взглядом в газету... Папа забыл, что я уже грамотная, а я через пару дней вдруг начала медленно, но верно читать ему газету... Шок у родителей был неслабым! В тот же день мне нашли детскую книжку, и я прочитала её от корки до корки (страниц пятнадцать!), не откликаясь и не отрываясь, чем вызвала беспокойство у отца и матушки. Так начиналась моя литературная деятельность...

Дело в том, что врачи, которые меня наблюдали, были очень осторожны в прогнозах. Они не знали, пойду ли я в обычную школу, не отразится ли моя болезнь на умственных способностях... У меня часто были невыносимые головокружения, слабость и потери сознания. Родители так мне были рады, испытывали такое счастье, что я у них есть, что вопросы моей будущей успеваемости их вообще не волновали! А вот такое «реактивное» чтение встревожило их не на шутку! Всё ли в порядке с головой у их ненаглядного дитяти?

Я читала всё подряд – всё, что нашлось в доме! Естественно, по законам жанра, кто-то должен был явиться по зову самой судьбы и привести в порядок это беспорядочное чтение! И вскоре такой человек ворвался в мою жизнь.

В конце нашего переулка жила болезненная, бледная девочка, которая мне сразу же безумно понравилась! Она тоже была поздним ребёнком. Её родители преподавали в местном пединституте. Однажды я доковыляла до конца переулочка, расширяя свой мир. В самом конце через глазок в калитке на меня смотрел чей-то чёрный любопытный глаз.

– Кто ты? – Я взяла инициативу в свои руки.

Молчание. Потом слабый девчоночий голосок прошептал:

– Наташа.

– Давай дружить, девочка! – продолжала упорствовать я. Зря, что ли, сюда добиралась?..

Мальчишки-соседи, которые к тому моменту сделали из меня классного вратаря, научили меня действовать напористо; взрослые разговоры дома и не по возрасту взрослые книги научили вести диалог.

Девочка была на два года меня старше, но на улице она почти не появлялась. Слабый иммунитет, бесконечные аллергии и экземы очень сильно ограничивали круг её общения. Но я как-то сразу смогла войти (читай: вползти по ступенькам) в дом моей новой подруги, понравиться её родителям (папу любили все!) и почти поселиться в нём!

Дело в том, что в доме моей новой подруги жило огромное количество книг! «Библиотека приключений», «Библиотека мировой классики», энциклопедии всех рангов и мастей! Футбол был заброшен, я наконец «отклеилась» от папы и с самого раннего утра, постучав в калитку определённое количество раз (у нас имелся условный сигнал), уже являлась к Наташе и залезала на книжные полки, с маниакальным безумием пытаюсь отыскать что-нибудь интересное.

За образованием подруги очень пристально и внимательно наблюдали её родители. У них буквально всё было под контролем. Через год её планировали отдать в лучшую в нашем городе школу-гимназию с углублённым изучением английского. Попастись туда было всё равно что схватить жар-птицу за хвост!

Мои родители такими вещами не заморачивались, тем более что преподавание в этой немисливо престижной школе велось на украинском языке, а у нас дома больше говорили по-русски. Я потом уже узнала, что украинский язык, оказывается, очень сложен. И папа, несмотря на свои чудесные лингвистические способности, никогда не ставил перед собой задачи выучить сколько-нибудь прилично этот певучий, чудесный, поэтический язык!

Зато в доме у Наташи звучали изумительной красоты украинские романсы, которые исполнял под гитару её отец – красавец мужчина с украинскими усами и интеллигентной мягкой улыбкой. Я наслаждалась его пением. Жизнь была удивительно благосклонна ко мне и щедра!

– Девчонки, спускайтесь обедать! – звала нас Наташина мама, и мы сползли по лестнице с крыши, где организовали некое подобие индейского вигвама и поглощали горы своего чтива.

Уминая вкуснейший украинский борщ с салом и зелёным луком, я не сильно заморачивалась насчёт свинины, потому что ещё не знала, какое отношение имеет свинина ко мне, а я к евреям...

Тогда же и случилась первая влюблённость Наташи. Она «запала» на Вовку Амирова – чёрненького пацанёнка азиатской внешности, который жил в многодетной семье переселенцев на другом конце переулка. Мальчишка был шустрый и симпатичный. Внешность у него, как сказали бы сейчас, была «экзотической». Да и сам он отличался от остальных мальчишек инициативным, деятельным и добродушным нравом. Он был постарше Наташи и уже(!) пошёл в школу... Сердце моё замирало от сладкой миссии посредницы, передающей записки, от ощущения какого-то тайного счастья, которое ярким румянцем вспыхивало на лицах обоих моих друзей, когда Вовка приходил со своими санками покатать Наташу!

Снег в том году выпал выше нашего роста и смачно скрипел под валеночками. Случалось, что санки, на которых мы любили кататься, переворачивались, и мои друзья тузились, как щенки, утопая в огромных белых сугробах, и хохотали как ненормальные! Я тогда ещё не знала, что именно так и выглядит счастье.

Конечно, глядя на товарищей, мне тоже безумно захотелось любить! Вовка Амиров был занят, хотя мне он также нравился. Пришлось делать другой выбор. Вскоре я остановила своё внимание на довольно взрослом парне – нашем соседе Славке. Он жил напротив и как-то очень заботливо относился ко мне, а иногда даже носил на спине, совсем как родной брат...

Родители у Славки и его сестры Ларисы вечно были на работе, и паренёк каждый день варил суп на всю семью из какой-то колбасы и вермишели. Ничего вкуснее я не ела (хотя дома ждали кулинарные изыски папы и мамы)! Это ещё раз доказывает, что всё идёт от головы... или от сердца...

Мне почти удалось влюбить себя в Славку, но тут подошла очередь пионерского лагеря. Да-да, не удивляйтесь! Дело в том, что я открыла папке душу, а он...

– Пап, я, кажется, влюбилась! – выпалила я на одном дыхании, буквально сразив бедного папочку этой сногшибательной новостью. – Понимаешь, он намного старше меня, но это же не страшно. Ты вот тоже намного старше мамочки!

Папа смотрел на меня, как будто видел в первый раз.

– Запомни, детка! Никакая любовь тебе не светит! – резко ответил он. – Ты калека. Никакого замужества, никакой любви, никаких детей никогда у тебя не будет! – уже почти кричал папа, а мама испуганно пряталась за его спину.

Бедные мои родители! Таким образом они пытались оградить меня от суровой правды жизни...

– Ты калека! Тебе только учёба! О любви никакой даже и не думай! – закончил свою речь отец, и его слова долго висели надо мной дамокловым мечом, направляя всю мою недюжинную энергию, весь мозговой потенциал только на учение. Наверное, по-своему папка был прав, и я никогда больше не влюблялась... лет до семнадцати...

А пока, чтобы избавить от глупых мыслей, меня отправляли в первый в моей жизни летний лагерь, расположенный среди лесов и лугов. Мама плакала:

– Ну как же она там будет без нас?

Папа был непреклонен:

– Ты её видела на воротах? Не пропадёт!

Брат начал воспринимать меня как личность и гордился своей пятилетней сестрой. Я видела это в его глазах...

Глава 6

Начало кошмара

К сожалению, спокойствие не длится вечно. Однажды ночью в доме послышались разговоры, какие-то незнакомые шумы, смех. Мне ужасно хотелось проснуться и узнать, в чём дело, но предыдущий день был так богат событиями, что сон, навалившись на моё шестилетнее тело, всё не отпускал и тянулся, тянулся, заставляя меня заново рассматривать и переживать каждый момент моего бурного вчера.

Дело в том, что вчера в саду я впервые ощутила себя художником! Я рисовала с натуры розу в утренних каплях росы. Страсть к рисованию досталась мне от мамы. Однажды она рассказала мне по секрету, что, будучи беременной, вышивала крестиком на полотне, попавшемся ей в трофейном чемодане из Германии. На нём была изображена маленькая, очень красивая немецкая девочка. За работой мамочке нравилось мечтать и представлять своё будущее дитя. Тогда она задумала, что у неё непременно будет дочка («чистый ангел!»), похожая на этот немецкий ширпотреб.

Вышивку эту я прекрасно помню. Она висела на стене в моей комнате как напоминание, кому я обязана своей красивой мордашкой. Вариации этой самой девочки встречались потом во всех видах: в карандаше, в акварели и в масляных красках на холсте...

Но вернёмся во времена, когда мне было шесть лет. Однажды с самого утра я сидела на скамеечке в саду и рисовала огромную жёлтую с фиолетовыми переливами розу, буквально задыхаясь от восторга! На этом участке сада росли «мои» кусты. Почва была необычайно плодородной – осушённое болото, которое царствовало здесь прежде, превращало любую лозинку, подобранную по дороге, в цветущий куст крыжовника, малины или спорыша. Часто мы с папкой заключали пари: вырастут – не вырастут малина или смородина, цветы или ягоды? И я с фанатичным упорством поливала и удобряла любимые растения, подолгу беседовала со своими питомцами, и – о чудо! – через год они начинали зеленеть и ветвиться, а папа с удовольствием проигрывал мне пари. Розу – китайскую, самую красивую на свете, – мама тайно посадила весной в мои уголья в качестве сюрприза!

Закончив с рисованием, я отправилась записываться в библиотеку. Всё на свете, даже огромное разнообразие книжек в доме моей подружки Наташи, имеет обыкновение заканчиваться.

Папа обучил меня некоторым фокусам, которыми сам овладел в шпионской школе: скоротению по диагоналям из центра страницы, фотографированию текста с последующим анализом, прочитанного на подкорке и прочей «резидентской» чуши, послужившей мне в дальнейшей жизни очень даже славненько! Уразумев, что мне в моей маленькой жизни хочется больше книжных полок с развалами желательно потрёпанных, зачитанных толстых книг, однажды я решила и поковыляла в библиотеку. Маршрут я наметила заранее – в тот день, когда Наташин папа взял нас в первый раз на Днепр. Мы проходили мимо помещичьего дома, отличавшегося от других невероятной красотой, и мужчина пояснил:

– Это детская библиотека. Запомните, индейцы! (Мы в то время взахлёб читали Фенимора Купера.)

Мне предстояло преодолеть три квартала. К намеченной цели я двигалась с поразительным упорством, но несколько раз останавливалась по дороге и вытирала слёзы бессилия, которые вызывала моя хромая тоненькая ножка. Впрочем, всё это не имело никакого значения, ведь в конечном итоге я всё-таки добралась до библиотеки! Вскрабкавшись на второй этаж, где открывали абонемент, я предстала пред ясны очи симпатичной библиотекарши, так похожей на всех папиных родственников, вместе взятых!

Позже мы будем дружить с милой Полиной Яковлевной вплоть до самого моего отъезда. Но тогда...

– А где твои родители, доченька? – спросила женщина, с ужасом рассматривая девочку, буквально приползшую к стойке выдачи книг.

– Записать нужно меня, а не моих родителей! – резонно ответила я.

– Да, но... – начала было пояснять мне симпатичная тётенька, но потом осеклась, взяла формуляр и уже официальным голосом спросила:

– Фамилия?

– Левина.

– Я тоже Левина! – она вскинула на меня глаза. – Постой, постой! Уж не Левина ли Яна ты дочка?

Неимоверная гордость распирала меня: так далеко от нашего дома, за три квартала, тоже знали моего папу!

– Да. Меня зовут Вика.

Тётенька выскочила из-за стойки и нежно прижала меня к себе.

– А дома знают, что ты здесь?

– Нет, это сюрприз!

– Горе ты моё! – странная тётенька выбежала в соседний зал и начала звонить по городскому коммутатору папе на кирпичный завод: – Ваша Вика пришла в библиотеку! Она здесь! – возбуждённо сообщила она в трубку.

На что папа спокойно ответил:

– Не волнуйтесь, всё в порядке. Она у нас самостоятельная. Я её одну в прошлом году в летний лагерь отправлял. Ничего, кубики привезла – приз самому маленькому воспитаннику смены. Но я сейчас пришло шофёра. Мало ли, машины... город всё-таки.

Дома я появилась с шестью толстыми книгами в руках, которые давать мне не хотели, пока я не рассказала, что читала в последнее время.

Вечером, когда мой Янчик пришёл с работы, мы все вместе смеялись над дневными приключениями. Я, подражая папе, рассказывала в лицах о своём походе в библиотеку, о тёте Полине – нашей однофамилице, о двух магазинах по дороге, в которых, оказывается, продают мороженое...

– Дай ей денег в следующий раз, – сказал маме хохочущий отец, – пусть у неё появится дополнительный стимул! Хотя будет лучше, если ты станешь ходить туда вдвоём с подружкой.

Наивный папка! Он не знал, что Наташу одну из дома никуда не отпускают!

Вечером того же дня произошло ещё одно событие. Мы ходили с папкой «на темноту». Так назывался ежедневный ритуал, во время которого папа взваливал меня на спину (хотя я уже могла передвигаться самостоятельно), подхватывал за ножки, и мы с ним шли через плохо освещённый переулок к более светлой улице. Там на углу стояла «наша» скамейка. Мы усаживались на неё и принимались считать до ста машины, которых в те годы было совсем немного.

Каждая машина встречалась с восторгом! А между лучами светящихся фар папка учил меня свистеть или рассказывал обо всём на свете! Разучив в этот раз на два голоса (художественным свистом) увертюру к опере Бизе «Кармен», мы, умиротворённые, обхохотавшиеся над впечатлениями богатого событиями дня, возвращались домой.

В доме вкусно пахло заготовками для праздничной еды, но глаза у мамы были на мокром месте. Приближалось некое событие, думать о котором у меня не имелось ни сил, ни желания. Не уточняя, что бы это могло быть, я отправилась спать. Ночью я слышала шум, но, как уже сказала выше, проснуться так и не смогла.

Утром, едва открыв глаза, я поковыляла к комнате родителей. По всем признакам был какой-то праздник, а это значило, что можно забраться в постель к маме с папой и, прижавшись к горячо любимым «родюлькиным», понежиться и пообниматься.

Дверь, скрипнув, приоткрылась, и – о ужас! – на меня с удивлением уставился незнакомый безумно красивый дядька, а возле него куталась в одеяло какая-то женщина, не отличавшаяся невероятной привлекательностью своего спутника. Он улыбнулся и поманил меня пальцем:

– Ну, иди же сюда, сестрёнка! Давай знакомиться! Я Олег.

Незнакомец вскочил с кровати и поднял меня на высоту своего огромного роста! Он был намного выше моего папы, обладал немислимой красотой и мягким, приятным голосом. Вскоре выяснилось, что он приходится моему Янчику сыном, который родился в браке с первой, московской женой. Отец регулярно отсылал в свою предыдущую семью алименты, как положено поддерживая материально детей, Олега и Элю. Вот только Лидия Ивановна, его «довоенная» супруга, по каким-то своим соображениям предпочла факт этот скрывать и воспитывала отпрысков в стойкой ненависти к «отцу-проходимцу».

Когда мои родители проживали в Забайкалье, папа сделал очередную попытку установить контакт с сыном и старшей дочкой, и она увенчалась успехом. К сожалению, как я уже рассказала раньше, дело было вовсе не в бескорыстной любви детей, вдруг вспомнивших, что у них есть отец. Просто Олег связался не с теми парнями, угодил в неприятности и, чтобы избежать срока, который грозил ему в столице, решил перебраться подальше от шумной Москвы.

Но на новом месте тоже что-то не заладилось. Главная причина в том, что не вышло контакта с мачехой – моей мамой. Брат не хотел признавать за ней право на существование, ведь она была лишь несколькими годами старше него! И когда над ним нависла угроза уже читинской тюрьмы, Олег, прихватив из дому все деньги и тёплые вещи, слинял обратно в Москву, оставив родителей без амуниции в пятидесятиградусный мороз...

Я ничего этого, понятное дело, не знала, и когда папа каким-то образом (по-моему, через свою племянницу Соню, которая поддерживала контакты с его московской семьёй) пригласил сына в гости, я умирала от любви к моему высокому, красивому, вальяжному и барственному брату!

Он был похож на небожителя, являлся счастливым обладателем глубокого, хорошо поставленного баритона и, как наш отец в молодости, попевал в оперетте. У Олега была холёная внешность родовитого барина, выразительное лицо и холодные голубые глаза.

Нужно признать, что брат отвечал взаимностью на мои восторженные чувства. Он постоянно тискал меня, лелеял, совал в карманчик тяжёлые металлические рубли «на мороженое» и наводил мосты с папой.

Прошлое моей семьи и наше первое, очень тёплое знакомство с Олегом, увы, были предвестниками будущего, которого никто не ждал, но которое уже стучалось в двери. Когда жизнь с первой женой, державшей брата в строгости, треснула по швам, а карьера окончательно не сложилась, он начал пить и вскоре стал запойным алкоголиком. Отец, ведомый родительским порывом, опять пригласил сына к себе.

Папа, мама, брат Валерка, который вот-вот должен был идти в армию, и я стояли на вокзале и волновались в ожидании встречи с горячо любимым мною старшим братом! Поезд, пофыркивая и постепенно сбавляя ход, приткнулся к перрону, и из него вышел красавец Олег... с какой-то другой женщиной, которую никто из нас прежде в глаза не видел. Оказалось, он уже развёлся с первой женой и пригласил с собой в гости к отцу новую законную супругу.

Римма представляла собой особу с испитой физиономией и была вдвое старше Олега. Едва ступив на платформу, она оглядела по-хозяйски всё выстроившееся перед ней семейство, изобразила на прожжённом лице подобие улыбки и, прикрикнув на замешкавшегося муженька,

который первым делом бросился целовать и обнимать меня, решительно схватила и потащила за собой огромные, битком набитые «импортные» чемоданы... Начинаясь кошмар.

Глава 7

Кошмар

Я видела застолья с большим количеством алкоголя с очень раннего возраста. Гостеприимный дом моих родителей часто посещали руководители тогдашней Грузии. Иногда я наблюдала, как открывается калитка и по небольшому переулку, ведущему к дому, неторопливо и с достоинством идут красивые грузинские мужчины в строгих чёрных костюмах, держа в руках плетёные корзины с кувшинами молодого пьяного вина, зеленью и барашками. «К Яну на пленэр», – так это у них называлось. Они были элегантные, умные и воспитанные – настоящие интеллигенты! Распитие вин бывало очень эстетичным, хотя и упивались до чёртиков! Я очень любила папиных грузин, особенно одного. Дядя Юра был полуполяк-полуменгрел, великолепный скрипач и поэт, какой-то там министр. А ещё мне нравилось слушать витиеватые речи гостей, не устающих благодарить хозяина:

– Дорогой Ян! Золотой души ты человек и блистательных возможностей! Да будет всегда с тобой удача, и мир пусть царит в твоём красивом доме! Пусть близкие твои обогревают твоё сердце своей любовью! Пусть здоровье и радость живут под этой крышей!

Распитие самогона у маминых сестёр, когда мы приезжали в их небольшой городок на директорской машине, гружённой рыбой, грибами и мясом, было куда менее экзотичным и тем более эстетичным. Но и тут была для меня своя прелесть.

– Ну, будьмо! Життя прожила, як під чужим забором висра**сь, і корабль не поплив... Царство нібесне мамці нашій і батьку! – говаривали мои тётки.

Пока шло застолье, я гуляла с моими двоюродными сёстрами в саду, выходила с ними на незнакомую улицу прелестного живописного городка, расширяла границы своего мира. Каждый раз это превращалось в своего рода приключение.

Иногда к папе и маме приезжали в гости их фронтовые друзья. И тогда тоже много пили, пели и вспоминали былое под громкие тосты и звон бокалов. Папа имел феноменальную память: он сыпал именами, датами, событиями, названиями населённых пунктов и городов, где шли бои. И всё это сопровождалось неизменными печальными тостами, которые горчили слезой:

– А помнишь, Машенька моя дорогая, как мы во время арналётов немца, тяпнув по сто грамм чистого спирта («сто грамм фронтовых»), спорили, кто кого телом своим накроет, спасёт от смерти?

Но на этот раз мне предстояло столкнуться с застольями совсем иного рода...

Брат Олег и его новая жена Римма пили безобразно, по-чёрному – дико и свирепо. Они часто дрались по ночам у себя в домике, который остался от бабушки, а наутро выползали оттуда в синяках и ссадинах. Злые с похмелья родственнички неохотно плелись на работу. Воровать.

– Риммулик! А где у нас бутылочка, солнце? Ходь сюда! Неси немедля! Убью!!! Ну, вздрогнули!

Папа поначалу делал всё, что было в его силах, чтобы помочь сыну устроиться на новом месте: Олег получил должность управляющего городским автопарком, а его жена заведовала секцией меховых изделий в местном центральном универмаге. Однако со временем стало ясно, что папин авторитет не всемогущ. Вскоре их обоих заподозрили в растрате и, чтобы не доводить дело до суда, уволили.

Разгорался скандал. Я, будучи ребёнком, с ужасом наблюдала метаморфозу, произошедшую с любимым братом, и поражалась бесстыдству его жены...

– Эля, дочка, приезжай! Я знаю, что ты можешь с ним поговорить, привести в чувство! – кричал папа в телефонную трубку, заказав телефонный разговор с Москвой. Он надеялся, что его старшая дочь сможет хоть как-то повлиять на непутёвого брата.

И вот мы опять всей семьёй стояли на вокзале, поджидая мою старшую сестру Элю с мужем Виктором и маленьким сыном Игорьком. С нами поехал брат Олег. Он был чисто выбрит, выглядел холёным и казался удивительно трезвым. Рядом, вцепившись в рукав суженого, стояла Римка. По случаю приезда московских родственников она тоже была непривычно трезва. Ей предстояло выдержать нешуточный экзамен и произвести хорошее впечатление!

Первую жену Олега, женщину серьёзную и строгую, державшую его в ежовых рукавицах, в московской семье любили. По какой причине мой брат скоропостижно развёлся и женился на кассирше из ГУМа, которая была намного старше него, имела крайне непривлекательную внешность, любила выпить и похулиганить, ни у кого не укладывалось в голове. Можно сказать, задача понравиться родственникам мужа была провалена ею изначально. Но попытаться не пить денёк, видимо, всё-таки стоило.

Конечно, в тот момент мне было не до рассуждений на взрослые темы. Я во все глаза разглядывала мою неизвестную старшую сестру Элю, её красавца мужа и прелестного сынишку. Гордость просто распирала меня! Ну посудите сами: за такое короткое время у меня вдруг появился не только ещё один старший брат, но и умная, рассудительная, сдержанная сестра! Ко мне она, впрочем, особого внимания не проявляла, скорее всего, ревновала папу, которого явно обожала!

Мы все провели потрясающий месяц вместе. Были разговоры, застолья и песни в июльской зелени сада. Папа жадно общался с дочкой, которая выросла без него. Счастливы были все, кроме мамы. Я часто замечала, как она тихонько плакала, не зная, как реагировать на колкости оравы из папиной прошлой жизни, внезапно свалившейся на её голову. Папа в этот счастливый для него период предпочитал неприятных моментов не замечать.

Олег с Римкой не пили целый месяц. Жизнь налаживалась.

Тем же летом папа пригласил к себе двух своих братьев, оставшихся в живых, – дядю Илью и дядю Лёву. Дядя Илюша жил на Урале и вёл тихую, размеренную жизнь. Он рано женился и уехал из Беларуси, что и спасло ему жизнь в мясорубке оккупации. А дядя Лёва прекрасно играл на трубе и всю жизнь выступал в Большом театре в Москве, и это тоже стало счастливой картой.

Было ужасно интересно рассматривать папу рядом со старшими братьями! Пусть они не обладали папкиной харизмой и были лишены блеска столь явного интеллекта, но оказались удивительно похожими друг на друга – все как один маленькие, рыженькие, белокожие. Янчик, правда, был намного полнее остальных и частенько шутил, что весь пошёл в свою толстую еврейскую маму.

Папа обожал рассказывать за столом еврейские анекдоты! Делал он это мастерски. И когда все присутствующие ухохатывались до слёз, он вдруг делал круглые глаза и смущённо говорил:

– Ой, девочки! У меня от смеха прямо матка опустилась!

И все опять взрывались хохотом! Я не знала, что означает эта фраза, но мне ужасно нравилась реакция присутствующих, и я хохотала вместе с остальными!

Я впервые встречалась со столь многочисленной еврейской роднёй. В доме звучал незнакомый язык, пелись неизвестные мне песни. На мои вопросы папа только отшучивался:

– Запомни, Вика, ты человек мира! Не заморачивайся насчёт национальности. Поверь своему папке, и проблем у тебя не будет. Я тебя записал русской (при маме польке-украинке, и папе-еврее!). Скажешь мне потом спасибо!

Мои старшие брат и сестра тоже себя не идентифицировали с Израилевым народом, хотя фамилию взяли папину, в знак уважения к нему, я думаю.

Итак, мы были счастливы. Увы, всё хорошее когда-нибудь кончается. Поезд только-только увёз от нас гостей, и мы не успели вытереть слёзы расставания, а Олег с Римкой уже вприпрыжку бежали к своему домику навёрстывать упущенное...

Этот запой был самым жутким и агрессивным.

На дворе стоял поздний октябрь.

– Скорее, скорей иди сюда! – Родители силой затащили меня с улицы в дом.

Брат с женой пили беспробудно уже неделю. Из своего убежища они почти не выползли. Изредка Римка, испитая, нечёсаная, вся в синяках, выбиралась наружу, чтобы набрать ведро воды из колодца. Она грозно косила подбитым глазом на дом, грозя кулаком каким-то неведомым врагам, и спешно бежала на крик:

– Где ты, падаль? Ходь сюда скорее, сказал! Фас!

– Бегу, бегу, моё солнышко! Бегу, мальчик мой ненаглядный!

В тот день я ничего не успела сообразить, когда вдруг поняла, что мы все – папа, мама, брат Валера и я – сидим, забаррикадировавшись, дома, а в саду, размахивая топорами и лопатами, прыгают вокруг костра в каких-то безумных плясках Олег и Римка. Я смотрела страшный сон! Вся мебель в их домике была уже изрублена, окна и дверь выбиты, а мои родственники, одурманенные белой горячкой, с воинствующими криками носились по саду практически голые.

Беда подбиралась к нам. Сделав факелы из подручного тряпья, пьяные супруги пытались поджечь нас в запертом доме. Чтобы никто не выбрался и не смог позвать на помощь, они заранее обрубил телефонный кабель и подпёрли входную дверь лестницей. Вскрабавшись на крышу, Римка рубила топором черепицу, а Олег бил окна. Шум стоял невообразимый, но именно он спас нам жизнь. Соседи вызвали милицию и пожарных.

Брата и его безумную жену увезли в машине «скорой помощи». Их руки были связаны за спиной с помощью смирительных рубашек. Они злобно отбивались и орал, что всё равно всех порешат, особенно папочку с его «голубиной душой».

Папа плакал. Я ещё с месяц заикалась.

Уехали родственники тихо, ни с кем не простясь. Это произошло спустя месяц после выхода из «дурки». Их путь лежал в Москву.

Эля тоже обиделась на папу. Она винила его в том, что он не спас сына. Жаль, что сестра не сидела с нами в том доме, когда вокруг бесновались черти. Тогда, может быть, она понимала бы больше...

Московская семья отпала от папы, как отсохшая ветка. Олег плохо кончил в Москве. Однажды утром его нашли в какой-то канаве. Эли тоже давно уже нет на этом свете. Я всегда чувствовала что-то кармическое в этом разрыве моего замечательного папы со своими старшими детьми.

Глава 8

Мечтала ли я о школе

Какие бы неприятности ни выпали на долю нашей семьи, я была ребёнком и имела свои радости, горести и ожидания. Впереди меня ждал новый этап жизни. Мечтала ли я о школе? Как и любому ребёнку-дошколёнку, школа представлялась мне чем-то необычайно важным. В моём сознании она была неотъемлемой частью заветного взросления. Но в жизни (а я это знала на основании уже кое-какого набранного за семь лет опыта) случается разное.

А вдруг я буду «не такой» среди других, не хромающих детей? А придутся ли по душе моим вожделенным новым друзьям голова, набитая до отказа огромным количеством прочитанных книжек, и мой здоровый эгоизм, присущий любому залюбленному до смерти, единственному и позднему ребёнку?

Ох, права была моя чудесная мамочка, когда горько бормотала себе под нос:

– Господи! Как же ты жить-то будешь?

Обычно эта фраза срывалась с её губ, когда она замечала, как я наполеоновским жестом указывала на дверь моей самой лучшей подруге (единственной, кто покорно сносил мои «выбрыки») и чеканила:

– Выйди вон! Покинь мой дом! Я больше не хочу тебя знать!

Подруга не спорила. Тихонько собрав свои рисунки, куклы и книжки, Наташа, потупив необыкновенной красоты чёрные украинские глаза-очи, испарялась. Она знала, что уже через час я «пришкандыбаю» мириться, обнимать её, страстно просить прощения и звать обратно к себе домой, где мама шила нашим куклам такие восхитительные наряды!

И это всё при том, что свою старшую подругу я буквально обожествляла, считая её своим учителем и проводником по жизни! Такую же просветительскую роль, но уже в зеркальном отражении играла я для своей «младшей» подружки Талочки. Это была очень привлекательная соседская девочка, которая жила в другом конце переулка. Она происходила из весьма состоятельной семьи и имела двух нянек: «малайку» и «большайку». Родители Талочки играли важную роль в жизни нашего города и души не чаяли в своём старшем ребёнке, словно интуитивно зная, что растят «принцессу». Да так оно, собственно, и вышло. А няньки не давали шагу самостоятельно ступить своей подопечной живой кукле. Они одевали её в роскошные наряды и кормили буквально с ложечки!

Мои «пацанские» наклонности (я продолжала пребывать в почётной роли вратаря футбольной команды переулка) сначала повергали Талочкиных родителей в шок, но потом они разглядели во мне книгочея и полиглота, да и папин авторитет сыграл свою роль. Потому они милостиво разрешили «принцессе» со мной общаться... Не очень-то было и надо! Шестилетняя Талочка-кукла к тому времени ещё ничего интересного не прочла, так как была абсолютно безграмотна!

Я с жаром новоиспечённого «гуру» бросилась исполнять свои просветительские обязанности и обучать читать, писать, высказываться, мыслить, наконец, свою новую подругу! Даже мой идол, моя старшая подруга Наташа, которая к тому времени уже обучалась в таинственной английской гимназии и дни напролёт учила вожделенный иностранный язык, была временно отодвинута на второй план.

Я открывала всё новые и новые горизонты моей благодарной ученице! А та, в свою очередь, почтительно боготворила меня, как и я два года назад мою первую учительницу, и читала, и считала, и познавала азы ораторского искусства! Впоследствии Талочка сохранит ко мне восторженное отношение на всю жизнь, даже став «марокканской» принцессой...

Сейчас я понимаю, что мы, все трое, будучи едва ли не единственными девочками в густонаселённом детьми переулке, расположенном в центре провинциального украинского

городка, были «не такими». Можно сказать, мы являлись настоящими «белыми воронами», хотя я лично об этом даже не подозревала, пока в один прекрасный день не очутилась в первом классе близлежащей школы.

Школа находилась в самом центре, возле огромного парка, построенного, как говорили, на месте старого кладбища. Парк был гордостью города: в его длинных тенистых аллеях гуляла разряженная публика, кружили карусели, продавали вкуснейшее сливочное мороженое в стаканчиках или в вафлях! Школа располагалась в новом трёхэтажном здании и, как следствие послевоенного «бэби-бума», была огромной. Окнами она выходила на заветный парк.

Родители некоторое время сомневались, не оставить ли меня на домашнем обучении. Особенности физического развития, несносный характер и непомерные амбиции говорили в пользу такого плана, но папа был непреклонен:

– Ты будешь как все: бегать и прыгать на уроках физкультуры, собирать металлолом и макулатуру, учить буквы(!) и счёт! (Боже мой! сам же рассказывал, что моё первое слово было «сантиметр»!) Ты будешь, как все, без всяких поблажек носить школьную форму и обычную обувь, ты будешь сама таскать свой портфель. Ты будешь учиться так, чтобы я мог тобой гордиться наперекор всем врачам и всем их долбаным прогнозам!

Дорогой мой папочка! Я до сих пор живу по твоим рецептам... Я никогда не отступила от твоей программы и ни в чём не давала себе поблажки. Я старалась быть как все, хотя бы внешне; внутренний же мир – это уже моё сугубо личное дело...

Первый и единственный раз, если не считать выпускного вечера (но уже в другой школе), мои мама и папа зашли на школьный двор. Первого сентября он кишел школьниками, учителями и родителями! Мне заплели толстенную длинную косу с огромным белым бантом (ох уж мне этот бант – стыдоба!), обрядили в форму с белым фартуком (ненавижу!), дали в руки букет и подтолкнули к стайке первоклассников во главе с сухопарой пожилой учительницей – строгой женщиной с вечно поджатыми губами. Я поковыляла к одноклассникам.

Ребятам я не понравилась. Они перешёптывались и хихикали, глядя на меня. Я оглянулась на родителей: папка с мамкой чуть не плача глядели на меня во все глаза, морально поддерживали и опекали... на расстоянии.

К группе хихикающих подскочил один из моих сотоварищей по футбольной команде в переулке и дал пару «лещей». Хихиканья смолкли. Я училась понимать, что дети – жестокий народ, и начинала вырабатывать в себе «инстинкт джунглей»...

Учительница отдала какие-то свои первые распоряжения и повергла меня в шок! Она говорила неграмотно: не теми словами и не с теми ударениями, к которым призывал литературный язык! Школа начинала мне явно не нравиться!

На первом уроке мы писали палочки. Дети старались следовать объяснениям и корпели над тетрадками, высунув язычки... Я же, презирая неправильности языка учительницы, слушала вполуха и, начертав что-то по-быстрому в тетради, сдала задание. В глазах потемнело: на меня смотрела огромная жирная красная «двойка»!

Спешу успокоить своих дорогих читателей: «двойка» была первой и последней в моей школьной жизни. Ещё были две «тройки» в седьмом классе: одна по геометрии и одна по рисованию, и несколько текущих «четвёрок», каждую из которых я помню по сей день. Вот, собственно, и все мои отклонения от стандарта «отлично» за десять школьных лет.

Но та первая «двойка»...

– Да ты не только хромяя, ты ещё и дурная! – прошипел сзади какой-то сопливый пацан.

Я недолго раздумывала, реакция вратаря сработала мгновенно. Развернувшись, я со всей силы звезданула по лопухой голове! У пацанёнка хлынула носом кровь, а меня схватила за руку и потащила в учительскую моя несимпатичная первая учительница. Она позвонила папе, и он выписал для школы свои первые грузовики макулатуры и металлолома.

В лицо меня больше не дразнили. Учительнице я так и не смогла простить неграмотную речь и ограниченный кругозор, хотя она, как бы ей этого ни хотелось, не ставила мне больше ни одной оценки ниже «пятёрки»: училась я как зверь!

Одноклассники меня уважали... на расстоянии. Я почти мечтала принять участие в их дурацких игрищах в коридоре на переменах. Я бы с удовольствием пошептала с девчонками в уголках коридоров об их «секретиках» и посплетничала о том о сём! Но, увы, с каждым днём я всё больше становилась «белой вороной», не такой, как все. Ведь я была «отличницей» и «зубрилой», что в той среде было ой как не в почёте!

Спас меня тогда от тотального разочарования в жизни городской Дворец пионеров – ив частности, кружок художественного чтения. Он находился рядом с детской библиотекой – моим вторым домом. Великолепно сохранившийся барский особняк (в годы оккупации там располагалось гестапо) поражал моё семилетнее воображение немыслимой красотой фасадом, широкими мраморными лестницами, бесчисленными анфиладами комнат с кое-где сохранившимися люстрами! Говорили, что старая часть города, на улицах которого осталось несколько чудом сохранившихся домов, строилась по проектам самого Растрелли! Уж не для графьёв ли Бобринских?⁵

Однажды в школу в поисках будущих кружковцев пришла красивая молодая женщина. Её звали Людмила Ивановна. В прошлом она была актрисой, но к тому моменту стала прилежной женой и домохозяйкой. Женщина попросила первоклашек что-нибудь прочесть наизусть. Я, как всегда, выпендрилась – прочла кусок из «Илиады» Гомера, с чем и была тут же зачислена в кружок.

Людмила Ивановна работала со мной очень кропотливо, обучая мастерству художественного чтения самозабвенно, в захлѐб! Наверное, именно так недавно её саму учили в театральном. Иногда она ругала меня, иногда похваливала. Если ничего не получалось, она рыдала от бессилия и тут же принималась хохотать вместе со мной от радости, если, как ей казалось, мы одерживали маленькую профессиональную победу!

– Нет, прикрой звук, как в вокале: о-о-о! «Огонь и пепел сѣ-ѣ-ѣл сожжѣнных...»

Мы разучивали коротенькие тексты к городским детским мероприятиям, обращения детей к главе администрации, стихи для чтения с городских эстрад. И я в сотый раз отрабатывала какую-нибудь фразу в литературном монтаже к очередному празднику. Как мне пригодилась эта школа милой молодой актрисы в будущем! Благодаря ей я стала считать, что моя жизнь неотделима от сцены. Я актриса, и этим всё сказано. Теперь было понятно, почему я «не такая», по крайней мере мне самой.

Я почти ежедневно выступала где-то, вела концерты на городских площадках, читала стихи на конкурсах, играла детские роли в городском театре. Да и после школы я не оставила своё хобби и стала членом агитбригады МВТУ имени Баумана, выступала на концертах Московского камерного хора студентов, а совсем недавно вышла на сцену на Чемпионате по русской словесности в Германии.

– Как же ты читаешь свои стихи! Никогда не слышал ничего подобного! – похвалил меня главный судья Чемпионата, известнейший московский поэт.

Но тогда всё это только начиналось... с маленькой комнатки под крышей бывшего помещичьего дома, отданной под городской кружок художественного чтения...

Несмотря на острый дефицит времени, в школе я была отличницей, начинала писать стихи, выступала на концертах. В классе меня не любили, называли «выскочкой». Хромота жить не мешала, родители меня уважали и гордились мною.

⁵ Смотри предыдущие главы.

Глава 9

Велосипед, коса и коса

Как же это здорово – катить на велосипеде, ощущая под туго накачанными шинами плотно бесконечной дороги! Велосипед – это, оказывается, такая вещь, которая позволяет передвигаться куда захочешь и когда захочешь, пусть и крутя педали одной ногой, пусть и с трудом забираясь на сиденье и останавливаясь, заваливаясь на бок и нередко падая! И всё равно, сидя с прямой спиной в седле, нестись по дорогам и обочинам с немислимой скоростью намного приятнее, чем переваливаться по-утиному с креном на левую сторону.

Какое же счастье подарило мне новое открытие! Слава создателям этого чуда инженерной мысли! Слава моему старшему брату, одарившему меня долгожданной и столь необходимой свободой передвижения! Слава моим чудесным немолодым родителям, давшим мне другие возможности, без которых свобода была бы невозможна! Они позволили мне садиться на большой, «взрослый» велосипед брата, едва дотягиваясь здоровой ногой до педалей, и с замиранием сердца махали вслед своей самовольной и своенравной доченьке, не подавая вида, как же они волнуются, пока в проёме калитки не покажется измазанное грязью (а иногда и слезами), но счастливое лицо (вечно сбитые коленки и счёсанные об асфальт локти не в счёт!), упиваясь моими бродяжими рассказами и радуясь моей пусть всё ещё немного ограниченной свободе передвижения, которую я обрела в то первое каникулярное школьное лето...

– Когда вернёшься?

– Не зна-а-а-ю-ю-ю!

Любимый старший брат Валерка только вернулся из армии, срочно устроился разнорабочим на стадион, заработал денег и купил мотоцикл, а я вскочила на оставшийся по наследству его «взрослый» велосипед. Он был огромным для моего восьмилетнего тела и вначале казался неподъёмным. Пришлось попотеть, чтобы сдвинуть его с места, но постепенно я, исхитрившись дотянуться до педалей единственной здоровой ногой, сумела поехать...

И больше меня было не удержать: только я, дорога, педали и ветер!

– Ну и где тебя носит целый день? – у мамы в глазах стояли слёзы. – Я уже не знала, что и думать... Не евши с утра, а заявляешься под вечер... погоди, вот я папке скажу!

Но папка, довольный и счастливый моей внезапной мобильностью, только смеялся.

– Я ездила в Смелу к тётке Даше.

– ?

Немая сцена.

– Как?! Тридцать километров туда и столько же обратно!

– Угу! Как здорово! Да вы не волнуйтесь! Подумаешь, тридцать километров! Зато как тётка Даша была рада!

В глазах до сих пор стоит испуганное тёткино лицо, когда она увидела меня в проёме ворот своего частного смелянского дома... Покрытая пылью длинной междугородней трассы, я счастливо рассыпалась рассказами о проделанной половине пути перед испуганной родственницей, умяла вкуснейший борщ, поцеловала любимую двоюродную сестру Милку и вскочила на верного железного друга, чтобы отправиться в обратную, почти трёхчасовую дорогу...

Тётка Даша жила со своим мужем дядей Лёней, старовером и книголюбом. Их дом располагался в Смеле рядом с имением графьёв Бобринских. Как я писала чуть выше, она состояла с ними в тайном родстве. Дядя Лёня был серьёзным, степенным мужчиной, не склонным к разговорам, в отличие от своей темпераментной супруги, которая целые дни проводила, выясняя отношения и устраивая бурные ссоры и столь же бурные примирения со своей сестрой Гашей, жившей по соседству.

– Ну, будьмо! Щоб пилося и Глось! – заканчивались все разборки между тётками. И белёсый украинский самогон из сахарной свёклы лился в гранёные стаканы до следующей бури.

У моей тётки Гаши, которая тоже являлась отпрыском графа Бобринского, были удивительно удачливые дети. Впоследствии все они «выбились в люди». Муж тётки, дядя Ваня, побывал в фашистском плену, вернулся домой со сломленной психикой после сталинских лагерей и, прожив совсем немного в кругу семьи, умер.

Тётя Даша, старшая из сестёр, и сама имела троих очень удачливых детей – моих двоюродных брата и двух сестёр. Старший сын был прокурором Краснодарского края, средняя сестра вышла замуж за полковника генштаба, а младшая и самая моя любимая, Милка, – о ужас! – предпочла еврея и связала с ним свою жизнь! Конечно же, произошёл такой «мезальянс» против воли родителей. Милка смело бросила всё и убежала из отчего дома к своему обожаемому Гришеньке! Нужно отметить, что он был не просто евреем, а одним из самых «продвинутых» и известных «подпольных» бизнесменов того времени! Кстати, Гришка всегда говорил, что его учителем и «гуру» был мой папка...

– Умнее человека не встречал! – скажет он мне спустя многие годы, когда мы случайно пересечёмся в Евпатории. Я приеду туда лечиться и останюсь в частном секторе. К тому времени я уже окончу институт и буду замужем. И вот однажды под окном скромной хрущёвки вдруг появится чёрный лимузин, из него с трудом выйдет необъятный Гришка и пыхтя поползёт по лестницам на пятый этаж без лифта...

– Чтобы двоюродная сестра моей любимой жены жила в этом клоповнике! Собирай вещи, будешь жить у нас! – он примется бросать в сумку мои вещи. – Дочка Яна приезжает по путёвке и селится здесь! Это же надо было придумать!

В дверях покажутся испуганная хозяйка квартиры и ещё три женщины, получившие койки в той же комнате.

– Что подумает обо мне Ян?! – будет неистовствовать Гришка.

– Но как ты узнал? – оторопело спрошу я.

– Ха, как я узнал, она спрашивает! Тебя будут лечить у меня дома лучшие главврачи!

А потом он посадит меня за стол в своём шикарном доме, даст в руки листок бумаги и карандаш:

– Пиши, пиши всё до копейки: зарплату, платежи за коммуналку, расходы на еду и прочее. Пиши всё! Я хочу понять, как можно жить семьёй на две ваших зарплаты!

Потом он будет долго сидеть над листочком, изучать мои записи, задумчиво смотреть на меня и говорить:

– Счастливые вы люди, наверное... Я бы так не смог...

Я наберу для храбрости воздух в лёгкие и выпалю вопрос, который уже давно вертелся у меня в голове:

– Гришка! А ты сидел?

Он разразится хохотом, и толстый его живот будет колыхаться в такт приступам смеха.

– Конечно сидел! – ответит он и, увидев ужас в моих глазах, добавит: – Полчаса. Пока не позвонили из Совета министров. Знают, что один сидеть не буду. Пол-кремля за собой потяну! Ты вот что, знай: отец твой – большая голова! Если бы не его коммунистические принципы, далеко бы пошёл. Я его учителем своим считаю – по творческому подходу, по вращению шестерёнок в голове. Да только он и дверной ручки у государства не возьмёт. Ты со своим мужем тоже мыслишь узко – где это видано: жить на зарплату молодого специалиста! Впрочем, если захотите – возьму в бизнес, только моргни! В знак уважения к Яну. В Америках будешь жить!

Эх, Гриша, Гриша! И чего я тогда к тебе не прислушалась?

А в то время, о котором я сейчас веду рассказ, красавица Милка, крепко обняв и поцеловав меня, вложила мне в руку узелок пирожков «на дорожку», проводила до калитки и долгодолго махала вслед удаляющейся гостье, пока мой велик не скрылся за углом...

Дома, рассказав о своей поездке потерявшим дар речи папке и мамке и наскоро выпив несколько стаканов насыщенного вкуснейшего домашнего компота, я натянула купальник и, накинув поверх какую-то широкую пляжную тунику, опять впрыгнула на велосипед и понеслась «на косу» купаться, пока не зашло солнце.

«Идти на косу» значило идти купаться на Днепр, на искусственную песчаную косу, протянувшуюся параллельно берегу. Её намыли во время строительства Кременчугского водохранилища. Ширина Днепра в этом изгибе достигала тогда четырнадцати километров – противоположного берега видно не было. По фарватеру реки оставались мелкие островки, на которых было так чудесно отдохнуть после часа плавания в быстрой днепровской воде!

Плавать я научилась сразу и плавала с увлечением и самоотдачей (в воде хромота не мешала!). Обычно я шла по белейшему и чистейшему плёсу до такого места, где открывалась необъятная даль Днепра, сбрасывала лёгкую одежду наземь, привязывала к прибрежным кустам велосипед, который с трудом ехал по хрустящему «сахарному» песку, и бросалась в прохладные желтоватые воды! А потом плыла и плыла до какого-нибудь островка: то на спине, то уткнувшись лицом в воду – и без сил падала на берег. Мне нравились сюрпризы. А потому я испытывала настоящее удовольствие, когда поднимала голову и, прищурившись, оглядывалась вокруг, чтобы оценить, куда же меня занесли волна и кураж...

Возвращалась я обычно уже затемно, как раз к обильному столу. Смыв в летнем душе пыль дорог и днепровский крупный песок, я принималась уплетать за обе щёки вкуснейшую родительскую стряпню и, почти проваливаясь в сон от усталости и впечатлений прожитого дня, слышала сквозь дрему любимые украинские песни, видела грозди винограда и ягоды вишни над огромным летним сколоченным в саду столом...

Как же чудно пели мама с братом!

Рідна мати моя! Ти ночей не доспала...

Брат мой вырос настоящим красавцем с голубыми глазами и густыми, пушистыми ресницами. Он учился в пединституте на физкультурном факультете, был прекрасным футболистом и капитаном местной футбольной команды, а впоследствии стал тренером. Его считали завидным женихом.

Как же мы были привязаны друг к другу! Брат любил подхватить меня на руки, посадить на мотоцикл и укатить в свою компанию, к своим друзьям, где я чувствовала себя как рыба в воде, несмотря на разницу в возрасте! До сих пор, общаясь по скайпу с Валеркой, я передаю привет друзьям его юности и моего далёкого детства.

После таких прогулок возвращались мы обычно поздно, валились с ног и тут же погружались в сон. Завтра ждал новый день волшебного лета. Даже книжки были на какое-то время отброшены в сторону. Каникулы – время для отдыха, а «подтягивать» мне было нечего – первый класс закончен на «отлично»!

По утрам Валерка придирчиво оглядывал велосипед, подкачивал шины – и жизнь снова трубила в фанфары! И конечно, я тут же устремлялась навстречу приключениям и новым ощущениям. Так однажды...

– Родители разрешили тебе стричь косу? – подозрительно спросил меня пожилой еврей, работавший в городской парикмахерской возле «магазина Фефера», куда я пришла избавляться от надоевшей до умопомрачения косы!

– При чём здесь родители? Стригите!

Волосы были толстыми как проволока и, заплетённые в косу, не поддавались никаким ножницам! Он с трудом «отпилит» мне её, чертыхаясь в процессе, непрерывно язвил по поводу родителей этой «шиксы», которые, как недоумки, послали дочь состригать такие чудесные тол-

стые русые волосы. В итоге парикмахер оставил на затылке сантиметровую «стерню», а в руки отдал состриженную косу. Глядел он на меня при этом осуждающе-укоризненно.

Чуть позже мама, плача и причитая, привела стрижку в некое подобие порядка. Но теперь по всей голове волосы мои имели длину новобранца... Зато я была счастлива: наконец у нас с братом были похожие причёски!

– Пошить тебе новое платьице? Я тут кое-какой фасончик подсмотрела, – мама глядела на почти лысую голову, сбитые коленки и сама понимала неуместность своего предложения.

Я презрительно сплюнула сквозь зубы, как делали все мои друзья-пацаны из переулка, натянула кепку (наконец-то коса не мешала!) и вылетела на велике на свободу. Меня ждали улицы, дороги, плёсы и лесные опушки на крутом и высоком правом берегу Днепра!

Глава 10

Соня и другие

Мама крутилась перед зеркалом, примеряя обновку. Она легко поворачивалась на каблучках, улыбалась своему отражению.

– Я не красавица, но чертовски симпатичная! – смеялась она.

Папа любовался ладненькой женственной фигуркой жены, её нарядом, который она бог знает когда успела сшить, используя один из тех бог весть где увиденных «фасончиков», скроенный с невероятной быстротой и профессионализмом и пошитый на «подольской» швейной машинке.

Я уже тоже была приспособлена к шитью, могла обработать швы на «оверлоке» для маминих заказов. Она «платила» мне по три рубля за изделие. Конечно, если бы я попросила, она немедленно дала бы мне все тридцать! Но я не просила, а предпочитала честно зарабатывать свои карманные деньги. Вместе с зарплатой за детские роли в местном драмтеатре выходила немалая сумма, которую я тратила на марки. Я собирала искусство, города мира и страны. Отдельным кластером шли экзотические птицы и звери. Я ещё не знала, что когда-нибудь, много лет спустя, увижу их всех в естественной среде обитания. Это занятие давало так много пищи для размышлений! Энциклопедии были излистаны вдоль и поперёк, а Леонардо да Винчи, Рафаэль, Репин записаны в личные друзья.

Мама укладывала волосы красивой волной, прихорашивала меня, папу и, окинув нас довольным взглядом, констатировала факт:

– Ну что ж, можно выходить!

Мы шли в гости. Я очень любила ходить с родителями в гости! Мне нравилась любовь, с которой относились к папе его друзья и сослуживцы, нравилось наблюдать за укладом жизни в других семьях, нравился неизменный «наполеон», с которым меня опасно было оставлять один на один в закрытой комнате (однажды такой опыт уже имел место...).

Дома, которые мы посещали, были похожи на наш – такие же красивые и благоустроенные. Там, как и у нас, имелись тяжёлые бархатные шторы, хрустальные люстры и ухоженные палисадники. Я долго думала, что так живут все, пока меня не пригласил на свой день рождения один мой одноклассник. Его семья всё ещё жила в землянке... Помню, как мне было невыносимо неудобно брать угощение со стола, врытого в землю, как я заливалась краской, когда мама товарища совала мне конфеты в кармашек...

А вот папины друзья, все бывшие офицеры-лётчики, повидали за время войны многое на немецких, чешских, румынских территориях и теперь хотели жить не хуже.

– Они вдруг говорят мне: «Оставайся с нами. Будешь жить в нашем замке и станешь нашим мужем», – рассказывал он в очередной раз историю о том, как в него влюбились три(!) сестры-баронессы в Румынии. – Я им говорю: «У меня уже есть две жены. Вот эта младшая», – и указываю на маму. А они только смеются в ответ: «Она же не баронесса!»

В этом месте папка обычно показывал фотографию трёх жутко красивых, ухоженных брюнеток. Она до сих пор хранится в родительском альбоме, доставшемся мне по наследству, так же как и другие фотографии всех наших друзей.

Вот статный красавец-лётчик в отставке Белоблоцкий с сыновьями двухметрового роста и красавицей женой. Это в их двухэтажном коттедже меня оставили отдохнуть в одной комнате с «наполеоном».

Вот хлебосольные Зборовские, в их доме я впервые увидела настоящие картины музейной ценности в золочёных рамах.

– Трофейные! – хозяин с гордостью показывал их гостям.

У нас в доме тоже была одна «трофейная» картина, гордо висевшая в «зале»: огромный лев чутко всматривался в прерию, охраняя свою львицу. Папа взял её из разрушенного немецкого замка. Эта картина оказывала на меня магическое действие и сопровождала папу до конца его дней.

А вот смотрят с фотографий Ульшины: дядя Петя, тётя Таня и их взрослый сын. Дядя Петя был военным моряком и служил на базе у берегов Японии. Дом его был полон японского шёлка, вышивок, экзотических восточных картин. Тётя Таня, черноокая красавица-брюнетка, бережно смахивала с них пыль с помощью каких-то удивительных перьев и сама казалась мне диковинной птицей из японской сказки.

А вот с их сыном у меня случилась очень странная история.

– Иди-ка сюда! – позвал он меня однажды и указал на свою комнату.

Парень он был видный, можно даже сказать, красавец, сильно походивший на мать. Он только что вернулся из армии, как и мой брат. Мне, второклашке, польстило такое внимание к моей особе, и я с любопытством вошла в его комнату. Рассматривая его коллекцию марок, я оказалась без всякой задней мысли в опасной близости от взрослого молодого человека. Он быстро наклонился ко мне и вдруг – о ужас! – поцеловал прямо в губы долгим, «взрослым» поцелуем! Такого испуга, отвращения и стыда я ещё никогда не испытывала! С ужасом вытирая губы, я выскочила в коридор и до конца визита боялась смотреть людям в глаза.

Кстати, если говорить о моем «половом» воспитании, оно было нулевым. Я почерпнула кое-какие сведения о взаимоотношениях полов из книг, но за ненужностью бессознательно уложила их в дальние ящики своего подсознания, где хранилась информация об окружающем мире. Скорее всего, действовал папин запрет: «Любовь и прочие глупости не для тебя. Ты калека! Тебе не о любви, а об учёбе надо думать!»

Естественно, в этом ракурсе я была неинтересна своим более подкованным одноклассникам и вообще прослыла полной дурой в вопросах пола. Девчонки из моего класса уже шептались о чём-то таинственном по углам и покрывались краской при приближении мальчиков, привлёкших их внимание. А я в это время, презрительно скривив губы в «печоринском» нигилизме, думала про себя, что жизнь довольно скучная штука. И всё-то я про неё знаю. Мне известно всё наперёд. Тоска, одним словом.

В окружающей среде между тем происходили интересные вещи. Наш дом начал делиться. Сначала одна из дальних спален отпочковалась и превратилась в отдельную единицу жилья с кухонькой, прихожей и большой комнатой. Там поселилась семья смелянской тётки, решившая перебраться в наш город. Большой и уютный дом в Смеле, где когда-то во время войны познакомились мои папа и мама, был продан. Его выставили на продажу и сбыли с рук мгновенно, а новое жильё рядом с нами для тёти Даши и её родных искали долго. Именно поэтому было принято решение сделать самостоятельную пристройку, где они могли бы поселиться.

О, если бы мои родители знали, к каким последствиям приведёт это решение! Ах, если бы знали!

Прошло время, дом был куплен, и тётя, дядя и их семья обосновались на самом берегу Днепра. В том же году, зимой, мою красавицу кузину Милку умыкнул из родительского дома, увёз от строгого отца-старовера «бандит» Гришка – будущий бизнесмен, вошедший в антологию зарождающегося бизнеса на обломках коммунистического строя.

А наш отпочковавшийся «аппендикс» пустовал недолго – там поселилась семья папиной племянницы Сони с мужем Женей и дочкой Лизой. Я называла её тётей Соней в силу возраста (хотя она была мне двоюродной сестрой), а её мужа – дядей Женей. Они приехали, демобилизовавшись из Кустаная, где дядя служил в офицерском чине.

Как я любила их семью! До безумия. До маминой ревности. Я боготворила Соню! А она полюбила меня. Безгранично. До дочкиной ревности. На всю жизнь.

Кроме общего ребёнка – Лизы – в семье имелись две взрослые старшие дочери от первого брака дяди Жени. Тётя Соня вырастила их как родных.

Итак, во дворе народу прибывало, и жить становилось веселее.

– Соня, Ася, Сима, Лиза! – неизменно созывал своё семейство дядя Женя.

Мы смеялись и дразнили его этой семейственностью. Милейший, тихий и скромный человек! Как он любил и боготворил свою супругу, которая была намного младше его, как трогательно помогал ей во всём!

А она, великолепная хозяйка и кулинар от бога, готовила изумительные блюда еврейской кухни непередаваемого вкуса и качества. Ничего подобного я никогда более не ела ни до, ни после, даже из рук родителей!

Говорят, что этот уникальный кулинарный талант достался тётке Соне от бабушки Ханы – моей бабушки по папиной линии. В своё время она могла приготовить из одной курицы семь блюд. Этот известный еврейский рецепт я обожала. Было удивительно наблюдать воочию, как тётя воплощает его в жизнь, как аккуратно, с любовью готовит все эти блюда, как печёт вкуснейшие пирожные, рулеты и торты, какими запахами наполнится кухня, когда над пищей колдуют её нежные руки...

Тётя не была красива по общепринятым канонам (они с папкой были на одно лицо). Но мне она казалась самой красивой на свете!

– Викочка! Что ты хочешь, чтобы я испекла?

– «Наполеон!» – следовал неизменный ответ. – И ещё медовик! И рулет! И ещё я хочу куриный холодец и шейку! («Шейка» представляла собой фаршированную чем-то немислимо вкусным куриную кожу, взятую с шеи, зашитую с двух сторон и запечённую в духовке.)

Тётя Соня смеялась и усаживалась готовить. Она всё делала сидя, потому что была инвалидом: травма спины заковала её в вечный корсет. Затем все занимали свои места вокруг стола, и я, закрыв глаза от удовольствия, уплетала всю эту вкуснятину...

Эх, тётя Соня! Хоть бы на миг сейчас попасть мне за тот стол...

А на кирпичном заводе, где работал папа, назревали интересные события. Янчик умудрился построить за счёт производства целую улицу для рабочих. Аккуратные домики с аккуратными палисадниками выросли на пустыре за городом. Семьи, которые вселились в эти сказочные домики, боготворили папку и надумали назвать улицу его именем.

Что тут началось! Комиссии, расследования, попытки «сшить дело» следовали друг за другом. Всё это давно кануло в Лету, но я до сих пор помню, как исказилось папкино лицо. Да, мой дорогой! За добро надо отвечать! Инициатива наказуема...

Семья очень переживала, хотя ни для кого не было секретом, что папа ни разу не «взял и гвоздя» от государства без оплаты с квитанцией. Прошёл в своё время школу сталинских застенков! Короче, ничего криминального не изыскали. Только пожурили:

– Думай в следующий раз крепко, прежде чем улицы для рабочих строить! Что же это будет, если каждый тут начнёт...

Но директорствовать на кирпичном заводе у папки настроение пропало. А тут, очень кстати, подоспело приглашение перейти на должность заместителя директора местной табачной фабрики, считавшейся гордостью городской промышленности. Недолго думая, мой Янчик собрал своих сослуживцев и перебрался всем кагалом на новое место работы.

Почему «всем кагалом»? Поясню. Папа давно занимался реабилитацией трудных подростков и попавших в тюрьму по молодости и глупости юношей. Когда такие парни с трудной судьбой оказывались на свободе, у них почти не было шансов найти приличную должность. Папа брал их на работу, присматривался, устраивал им жильё в общежитии, сидел на их свадьбах «посаженым отцом»... Сколько таких «названных» братьев разбросано у меня по белому свету!

Когда пришло время оставить кирпичный завод, все сотрудники, не рассуждая, ушли вслед за папкой на новое место, а в нашем доме появилось «общежитие» для ещё не устроенных бывших «зэков». Мама их боялась, а я нет. Большинство парней старались исправиться. Конечно, случалось, и обворовывали, но это были единичные случаи.

– Соня, Ася, Сима, Лиза! – звал дядя Женя, приглашая к огромному накрытому в саду столу своих домочадцев.

– Вика, Маша, Валерка, пацаны! – звал папка свою команду.

И все усаживались за стол, заставленный вкуснейшей стряпнёй, а там, глядишь, скрипнула калитка – гости на пороге... А вот и утка в яблоках в центре стола по соседству с холодцом, салатами, колбасами и прочей отменной снедью. А вот и первые крупные украинские звёзды на быстро темнеющем небе. А там и до песен недалеко...

Тобі зозуля на весні
Кувала щастя, а мені
Вороння крякало сумне:
Забудь мене...

Глава 11

А во втором нашем классе «В»...

Перед самым началом учебного года меня вместе с Наташей родители отослали в пионерский лагерь, в последнюю смену.

– Немного дисциплины тебе не помешает! – категорично изрёк папа и хулигански подмигнул мне. Сам же рассказывал мне о своём «бурном» детстве!

В лагере мы были в самом младшем отряде и поначалу чувствовали себя не совсем комфортно среди других учеников первых классов (мы-то идентифицировали себя с народом постарше!). В нашем отряде отдыхали в основном дети из близлежащих сёл, потому что лагерь был богатый, «колхозный», содержавшийся на совхозные деньги. Сельские детишки уступали городским в образовании и в «градусе самомнения», но к концу смены все сравнялись в неистощимом стремлении сорвать «тихий час» и обмазать мордашки товарищей зубной пастой, в тайной слежке за романтическими привязанностями ребят постарше и в попытках пробраться на танцы для «взрослых» отрядов.

Я, как всегда, участвовала в самодеятельности: что-то читала со сцены, что-то пела. Голос у меня тогда был таким низким, что я бы определила его как «детский бас». Я басила так невыносимо громко и самозабвенно, что бедным слушателям, находящимся поблизости, приходилось затыкать уши! А мне непременно нужно было петь – я изводила всех своим басовитым воем!

Скорее всего, саму себя я не слышала, иначе поставила бы под сомнение свою принадлежность к певческому сословию. Дома, во время родительских песнопений, голос мой хорошо вписывался в привычные репертуарные номера, и меня похваливали. Но когда я рвалась исполнять сама тягучие хиты тех лет со сцены, полагаю, это было невыносимо! Тем не менее, концертная бригада лагерных чтецов, вокалистов и танцоров ездила по окрестным сёлам с концертами, скрашивая себе достаточно унылую и однообразную лагерную жизнь. Естественно, я была среди этих лихих путешественников-гастролёров.

Моя Наташа, при всей своей скромности и замкнутости, опять умудрилась влюбиться. На этот раз её выбор пал на нашего старшего пионервожатого Женьку. А я с преданностью верного Санчо Панса собирала для неё количество знаков внимания, взглядов и слов с его стороны... Женька, скорее всего, нас вообще не замечал. Он был влюблён в старшую сестру Наташи Люду, которая, будучи уже студенткой первого курса пединститута, работала в том же лагере.

В мансарде под крышей,
То громче, то тише,
Играет гармошка.
То будто смеётся,
А то вдруг зальётся,
Рыдает гармошка.
Парнишкам проходим
И девушкам тоже
Привет шлёт гармошка... —

надрывалась радиола на летней танцплощадке. Мы, «салажата», пытались вытанцовывать на сцене, пока нас не прогоняли спать, и с завистью смотрели на «старших», краснеющих от приглашений и робких касаний во время танца.

Ах, это предчувствие любви! Ах, эти первые биения сердца! Но как там папка сказал? «Ты калека. Любовь не для тебя. Тебе только учёба!» А жаль...

Так что идти в школу не хотелось. А хотелось мечтать о взрослой жизни и вздыхать по поводу объекта своих увлечений, которого, увы, не было даже на горизонте... Эх, жизнь моя жестянка!

Первое сентября настало неотвратимо. Тело, подросшее за лето и поздоровевшее от плавания и велосипедных кроссов лучше, чем от ненавистных лечебных массажей и грязевых обёртываний, с трудом втиснулось в форму, сшитую мамой ещё в начале каникул. Из-под коротенькой юбочки клёш торчали непропорционально длинные ноги, одна заметно короче и тоньше другой... Мальчишеская стрижка с непослушными вихрами как нельзя лучше подходила хозяйке всего этого роскошества!

– Возьми букет, я только что нарезала в саду! – кричала мне вслед мама.

Я неохотно вернулась. Ох уж мне эти букеты для нелюбимой учительницы!

В классе произошли перемены. Появились новые интересные ученики. Помню девочку Женю – очень милую, спокойную, воспитанную. У неё была мама-писательница, которая опубликовала книжку о девочке Жене. Как это тогда меня поразило: живая, настоящая писательница и её героиня – вот они, рядом! Маму Жени приглашали в школу на открытые уроки, и я с восторгом и благоговением внимала рассказу писательницы о том, как она долгой полярной ночью (папа Жени нёс службу на Крайнем Севере) создавала своё произведение о дочери.

Потом была ещё противная девочка Нина. Она мне сразу категорически не понравилась, когда заявила на первый урок по природоведению и принесла с собой готовый немецкий ширпотребовский гербарий! (Её отца только что перевели служить из Германии на Украину.) Мы-то свои гербарии собирали сами, всё лето бегая по полям и лесам.

Не знаю, какое чувство искажённой социальной несправедливости во мне разыграло, но только на перемене я подошла к ней и дала тумака. Меня поддержали некоторые одноклассники. А Нина, глотая слёзы обиды и несправедливости за своё коммерческое вложение, побежала в учительскую жаловаться мамаше, которая преподавала в нашей школе.

Что тут началось! Вызвали милиционера, на меня составили акт о нападении на бедную девочку-одноклассницу, отвезли в детскую комнату милиции. Вызволил меня из беды, как всегда, папа. Он замял скандал, выписал что-то для школы, поговорил со мной о выборе форм протеста, в случае если меня что-нибудь возмущает. Прошло очень много лет, а мне до сих пор почему-то не стыдно за ту оплеуху!

Девочка Нина в классе не прижилась, и её срочно перевели в другую школу.

Была у нас в классе очень яркая девочка с явными задатками лидера – Валя Волкова. Она росла в простой семье работяг. Её отец пил, за дочкой не слишком следили, и она училась так себе, но личностью была неординарной. Слово её в классе было законом! Её слушались все благодаря обострённому чувству справедливости и сильному характеру, которые были заложены в этой девочке.

Так вот, Валя относилась ко мне с уважением, и это разбило лёд между мной и одноклассниками. Мы проводили много времени на лужайке, раскинувшейся перед домиком приятельницы, затевали разные «тимуровские» дела, играли в лапту и другие уличные игры.

– Пап, мам! Мы хотим устроить гайдаровский штаб у нас в сарае, можно? – и все чистили, драили старый дровяной сарай, оклеивали его стены стенгазетами и плакатами, ходили по домам, предлагая помощь фронтовикам и пожилым людям.

Этот период школьной жизни запомнился мне интересным и деятельным. Я впервые в жизни чувствовала себя хорошо среди других ребят, воспринимала себя такой, как все.

Через много лет я случайно встретила Валю в автобусе. Она сильно постарела, расплылась, страдала от больных ног. Чувство благодарности захлестнуло меня! Мы обнялись и заплакались...

– Эй, постой-ка! А почему ты всё-таки перешла в другую школу? Я слышала, что-то такое там говорили...

– Эх, Валюха! Это не для слабонервных! – отшутилась я.

О моём переводе, о моём практически бегстве в другую школу я обязательно расскажу. Именно тогда впервые в жизни я столкнулась с ненавистью по расовому признаку...

– Жидовка! Мы тебя встретим одну в переулке и ноженьки твои хромые переломаем! – хрипел мне в лицо, изгаляясь на все лады, Виталька Мельников, одноклассник и антисемит. – А убежишь в другую школу, найдём тебя и там. Все-все будут знать, что ты жидовка!

Наивный! Когда он пришёл с двумя десятками подпевал-куклуксклановцев в новую школу для одарённых детей со спец-классами, куда я действительно перевелась из-за всей этой мрази, и попытался рассказать о моей «роковой» тайне, то с удивлением обнаружил, что школа в основном состояла из этих самых... которых он и его друзья так ненавидели...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.